

КНИГА
ЛЕГЛА
В ОСНОВУ
СЕРИАЛА «ВЕРА»

ЛОВУШКА ДЛЯ ВОРОНА

УБИЙСТВО
ПО СОСЕДСТВУ:
СОВРЕМЕННЫЙ
БРИТАНСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ЭНН КЛИВЗ

Убийство по-соседству. Современный британский детектив

ЭНН КЛИВЗ

Ловушка для ворона

«ЭКСМО»

1999

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кливз Э.

Ловушка для ворона / Э. Кливз — «Эксмо», 1999 — (Убийство по-соседству. Современный британский детектив)

ISBN 978-5-04-109195-8

«Ловушка для ворона» Энн Кливз – еще одна книга в копилку классики английского детектива. Однако, в отличие от многих коллег по жанру, в этом произведении Энн Кливз больше всего интересуется не только само преступление и процедура разоблачения убийцы, но и подробный анализ событий, приведших к катастрофе. В центре внимания писательницы три очень непохожие друг на друга женщины – Рэйчел, Энн и Грейс. Им сложно найти общий язык, но они вынуждены провести несколько недель в одном доме на зеленых холмах и ветреных пустошах Северной Англии, проверяя местность, предназначенную для разработки, на наличие редких экземпляров растений и животных. Работу прерывает убийство одной из них. Приехавшая расследовать дело детектив Вера Стенхоуп не хочет, чтоб они покидали дом в холмах: она верит, что убийца еще вернется и его проще ловить на живца. Связана ли смерть жертвы с экологической проверкой или кто-то из местной деревушки сводит с женщинами старые счеты? Судьбы главных героинь оказываются причудливо переплетены, и им нужно успеть разобраться в этих связях, чтобы понять логику убийцы. Однако сделать это в коттедже в пустынных холмах, который они не могут покинуть, как вороны в ловушке, совсем непросто...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-109195-8

© Кливз Э., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Пролог	7
Часть первая	8
Рэйчел	8
Глава первая	8
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвёртая	17
Глава пятая	20
Глава шестая	23
Глава седьмая	26
Глава восьмая	29
Глава девятая	33
Глава десятая	36
Энн	41
Глава одиннадцатая	41
Глава двенадцатая	44
Глава тринадцатая	46
Глава четырнадцатая	50
Глава пятнадцатая	53
Глава шестнадцатая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Энн Кливз

Ловушка для ворона

Ann Cleeves

THE CROW TRAP

Copyright © 1999 by Ann Cleeves

© Киктева К., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Если бы вам потребовалось отыскать коттедж Бейкиз на карте картографического управления Великобритании, вы не нашли бы этого названия, хотя ферма Блэклоу там есть. Место отмечено открытой клеткой и подписано маленькими буквами на карте № 80 – Северные Пеннинские горы, Киммерстон и окрестности. Найти его тяжело, поскольку оно приходится прямо на сгиб карты. Тропа, которая ведет туда с дороги, обозначена пунктиром как пешеходная. На карте ферма окружена с трех сторон участками бледно-зелёного цвета. На эти участки наложены нарисованные на компьютере крохотные ели, которые обозначают лес. С четвёртой стороны бумага белая, лишь несколько коричневых контурных линий – и так до ручья. Ручей в этом месте широкий, показан двумя синими линиями, раскрашенными голубым. Линии волнистые, будто на детском рисунке, изображающем реку. Это ручей Скёрл. Контурные линии за ним очень близко расположены друг к другу, показывая, что склоны крутые. Вершины холмов отмечены символами, похожими на маленькие облачка. Это скалистые утёсы, и они называются: Фэрбёрн, Блэклоу, Хоуп. Между ручьём и утёсом Хоуп есть ещё одна пометка коричневыми буквами. Она гласит СВИНЦОВЫЙ РУДНИК (ЗАКРЫТ).

Из окна спальни на ферме Блэклоу Белла посмотрела на скалу Фэрбёрн. На вершине все ещё лежал снег. Она увидела тёмную тень леса, серые каменные постройки за двором. Она отвернулась от окна к туалетному столику. Уверенно нанесла помаду, покатила её губами, затем приложила к ним салфетку. В зеркале она увидела Даги, лежащего на кровати, поймала его взгляд. Веко у него дернулось, так что ей представилось, будто он хотел подмигнуть ей, сказать: «Да ты просто красotka сегодня, девочка». После того как с ним случился удар, врачи сказали, что вероятность восстановления речи велика, но этого так и не произошло.

– Заскочу в Бейкиз, – сказала она. – Если Рэйчел позвонит, меня какое-то время не будет. Все нормально, верно, милый?

Он кивнул, криво улыбнулся, потрепал её по руке своей здоровой рукой.

– Включить тебе телевизор?

Он снова кивнул. Она наклонилась и поцеловала его.

– Тогда пока, – сказала она.

На кухне Белла переобулась в резиновые сапоги и положила лакированные чёрные туфли в пакет. Снаружи восточный ветер гонял в вихре по двору кусочки соломы, и у неё перехватило дыхание.

Часть первая

Рэйчел

Глава первая

Рэйчел свернула с щебёночной дороги, затем резко остановилась. Впереди были новые стальные трубчатые ворота, она почти въехала в них. Один из жильцов Холм-Парка хотел произвести впечатление. Оборванная овца с приставшим сзади навозом ткнулась в неё носом, когда она вышла из машины, чтобы открыть ворота. Овца была толстой. Здесь они не ягнились до конца апреля. Засов был таким холодным, что, казалось, примёрз к пальцам.

Дорога была хуже, чем помнила Рэйчел, заледенела. Она вела машину медленнее, чем шла бы пешком, два колеса на обочине. И всё равно выхлопная труба задевала за склон.

Милую спустя она поняла, что выбрала неправильную дорогу через лес. Из деревьев надо было выехать на открытую местность и уже быть у переправы. Вместо этого Рэйчел находилась на песчаной тропе, не слишком извилистой, но очень узкой. Хвойные деревья с другой стороны заслоняли дневной свет. Она продолжала ехать, надеясь найти место для поворота, но дорога перешла в пешеходную тропу, ветви деревьев смыкались над её головой.

Ей пришлось дать задний ход до развилки. Ветки скребли по крыше автомобиля со звуком, который издает мел, которым пишут на мокрой доске. Бампер ударился о каменную скамью, не видную из-за подлеска. Она переключилась на первую скорость и резко рванула вперед, потом снова дала задний ход. Когда она добралась до главной дороги, было почти темно и её трясло.

У переправы Рэйчел остановила машину и вышла, чтобы проверить глубину. Пять лет назад здесь утонул студент, возвращавшийся в Бейкиз после вечера в пабе, его машину перевернуло быстрым течением. Свет фар отражался от поверхности воды, так что оценить глубину было невозможно. Весна была сухой, и она решила рискнуть. Вода пошла паром и зашипела, соприкоснувшись с горячим мотором, но Рэйчел легко выбралась на другой берег.

Дорогу снова преграждали ворота, на этот раз – деревянные. Было слишком темно, чтобы разобрать, но она знала, там был знак. Проезд только к ферме Блэклоу и коттеджу Бейкиз. Она оставила двигатель работать, пока открывала ворота. Машина была припаркована на склоне, так что фары освещали холм под углом. Должно быть, какое-то движение привлекло её внимание, поскольку она посмотрела вверх и увидела в свете фар силуэт человека в куртке «Гортекс» и капюшоне. Вспыхнул отраженный свет, и она подумала, что у него с собой бинокль или камера. Она была уверена, что это мужчина, хотя фигура была слишком далеко, чтобы сказать наверняка. Он повернулся и исчез во мраке.

У неё возникло неприятное чувство, что за ней уже некоторое время наблюдают. По пути – до коттеджа осталось полмили – она раздумывала, не глупо ли находиться на холме почти в темноте. Рэйчел решила не звонить на ферму. Даги расстраивался, когда его беспокоили без предупреждения. Белла услышит машину и спустится к коттеджу, когда Даги заснет, если у неё получится. На кухне горел свет, но шторы были задёрнуты. Собаки громко залаяли и побежали от амбара во двор. Звук отозвался эхом в холмах, и Рэйчел подумала: это хорошо. Этот звук она услышит, где бы ни была. Затем она увидела свет наверху и подумала, что Белла, наверное, укладывает Даги спать.

Она проехала по выскобленному, чистому двору. Коттедж Бейкиз стоял в конце дороги с видом на долину, окружённый деревьями, которые посадили, чтобы немного укрыть место от ветра.

Ключ был там же, где обычно, под декоративным колпаком дымовой трубы возле двери со двора. Зайдя в коттедж, она нащупала выключатель. Дом пах сыростью, но Рэйчел знала, что там чисто. Она приходила прибираться в ноябре, после отъезда последних студентов. Приехала Белла с парой бутылок домашнего вина, и они отлично провели время. Под конец они распивали виски Даги в доме на ферме. Она спала в гостевой комнате – комнате Невилла, как называла её Белла, хотя, насколько ей было известно, Невилл уже много лет как не бывал здесь, – и проснулась с самым ужасным похмельем в своей жизни. Это был единственный раз, когда она оставалась на ночь в этом доме.

Рэйчел подключила газовый баллон снаружи, затем пошла на кухню поставить чайник, чтобы сделать кофе. Кухня была крошечной – такой узкой, что она могла одновременно коснуться двух стен. Она включила ржавый холодильник, закрыла дверцу и почувствовала облегчение, услышав гудение. Газ шипел, но чайник не был даже тёплым. Ожидая, пока вода закипит, она прошла в гостиную и задёрнула шторы, чтобы убрать сквозняк. Когда-то они были из серого бархата, но из-за солнца выгорели полосами, и теперь ткань была гладкой на ощупь. В гостиной стояли диван с индийским покрывалом, которое Рэйчел привезла из дома год назад, пара кресел, пятна на которых хорошо было бы чем-нибудь прикрыть, книги, попорченные плесенью, и в углу – лиса за стеклянной витриной. Обстановка была такой знакомой, что Рэйчел её не замечала. Она думала лишь о том, как согреться. Даже внутри сейчас было так холодно, что её дыхание вырывалось облачками пара.

Камин был выложен бумагой и щепками, однако в корзине рядом не было поленьев. На скатерти лежали спички, но сырые. После нескольких попыток зажечь одну Рэйчел скрутила газету в жгут и подожгла его от огонька на кухне. Она поддерживала огонь, вспоминая старые уловки, к которым прибегала в последний раз. Чайник засвистел, и она сразу заварила кофе из запасной банки, которую принесла в сумке. Она выпила его, сидя на корточках у камина, присматривая за огнём, пока не убедилась, что он не погаснет.

Она разгрузила машину, затем поставила кастрюлю воды на плиту. На ужин у неё будет паста и бокал вина, которое она планировала выпить с Беллой позже. Она вытащила корзину, чтобы сходить за поленьями. Они были сложены у задней стенки высокого открытого сарая, в котором также стоял ржавый трактор и несколько тюков соломы. Огней дома отсюда не было видно, и она взяла с собой фонарь. Снаружи было ясно и очень холодно. Звезды на широком небе, не испорченном светом уличных фонарей, казались ярче, чем дома.

Белла устроила своё самоубийство так же разумно, как делала всё в жизни. Она покачивалась в свете фонарика, свисая из петли крепкой нейлоновой верёвки. Лицо её было белым. Она подготовилась, нанесла помаду и надела шелковый топ, который Рэйчел купила ей в благодарность за последний сезон. Её чёрные туфли сияли так, что от них отражался свет фонарика. Она отодвинула два тюка от стены и забралась на них, чтобы завязать верёвку на балке. Затем, когда всё было готово, отпихнула один из них.

Конечно, была записка. Она и об этом подумала. Записка была адресована Рэйчел и содержала извинения за то, что та должна найти тело: *Я не могла заставить Даги пережить это, и я знаю, что ты справишься.* Дальше она напоминала Рэйчел, что дверь кухни в фермерском доме открыта, так что она сможет добраться до телефона, никого не побеспокоив, – снова имелся в виду Даги. Но настоящего объяснения самоубийства не было. Она просто писала, что не может так больше. Она знала, что Рэйчел найдёт её до конца вечера, потому что оставила пустой корзину для поленьев. Рэйчел всегда знала, что Белла умная женщина.

Когда Рэйчел увидела Беллу – тело покачивалось, его можно было узнать по серебристому топу, аккуратно завитым волосам, помаде, но это была не совсем Белла, потому что

Белла никогда в жизни не была такой тихой, – то пришла в ярость. Она была вне себя от гнева. Она хотела ударить тело в живот, как боксёрскую грушу. Она хотела залезть на тюк и дать пощёчину белому безжизненному лицу. Потому что Белла была другом. Так какое право она имела сделать это, не поговорив сперва с Рэйчел? И потому, что Рэйчел ждала этого вечера с тех пор, как услышала о продолжении проекта. Она представляла, как будет сидеть с Беллой в коттедже Бейкиз за бутылкой вина и сплетничать.

Но она не ударила тело. Вместо этого развернулась и врезала по тюку соломы, и так снова и снова, пока костяшки не покрылись царапинами и не начали кровоточить.

Позже она поняла, как много времени, должно быть, провела в сарае для трактора. Когда она вернулась в коттедж, кастрюля с водой кипела. У паршивого огонька газа ушло полчаса только на то, чтобы чайник потеплел.

Глава вторая

Коттедж, который позже стал известен как коттедж Бейкиз, купила вскоре после войны Констанс Бейки. Она была натуралистом и иллюстратором, так и не вышла замуж. Когда-то она гуляла по холмам в поисках вдохновения, но вскоре ожирение свело на нет её прогулки. Она привыкла сидеть в кресле и рисовать только тех птиц, растения и насекомых, которые могла видеть из окна. Это был её самый плодотворный период. Эскизы её книг продавались за удивительно большие деньги. Одна лондонская галерея покровительствовала ей и раз в год организовывала выставку. Никто точно не знал, что она делала с деньгами, но жизнь она вела очень скромную. Чтобы развлечься, Констанс иногда писала ехидно-забавные письма в научные журналы, высмеивая исследования коллег.

Даги, тогда ещё подтянутый и активный, раз в неделю привозил ей продукты из Киммерстона на своём «Лендровере». Она никогда не предлагала деньги за услугу, но каждый год на Рождество дарила ему набросок фермы или окрестных холмов. Позже Белла обнаружила кипу этих рисунков в ящике его стола и поместила их в рамки. Мисс Бейки не была одинока. Она благосклонно принимала посетителей, но ожидала, что они принесут подарки – пирожные с кремом, печенье и бутылки виски.

В 1980-м мисс Бейки внезапно скончалась. Даги, приехав однажды утром с молоком, обнаружил её в кресле у окна. Она пробыла там всю ночь. В своём завещании она основывала благотворительный фонд, чтобы поощрить просвещение по вопросам защиты и исследования окружающей среды, и отдавала в дар свой коттедж. Оговаривалось, что фонд не должен поддерживать тех, кому нет восемнадцати. Дети ей никогда не нравились. Студенты использовали Бейкиз как базу для работы в поле. Рэйчел провела здесь прошлую весну, дописывая магистерскую диссертацию. Когда комитет решил, что требуется свежая кровь, её выбрали попечителем фонда.

Коттедж остался почти таким же, каким был при Констанс. Вся мебель была её. Студенты с богатой фантазией воображали, что по ночам в доме можно увидеть призрака.

«Только если он не двигается, – сказал лектор, знавший Констанс. – Если он двигался, это не Конни. Помнится, она этого никогда не делала. Сколько её знал».

Рэйчел в привидения не верила.

Так она и сказала Энн и Грэйс на следующий день, когда они принялись причитать. Рэйчел планировала немедленно начать работу с картой, но ей пришлось снова разбираться с проблемами. Она впервые была главой команды и отчасти возмущалась из-за того, что её отвлекали. На деле же она нервничала, чувствуя свою ответственность. Они приехали в Бейки ради исследования, а не разговоров, но когда Энн и Грэйс явились, чтоб начать работу, ей пришлось рассказать им, что произошло с Беллой.

Энн была местной, и Рэйчел работала с ней раньше. Она была старше Рэйчел, очень уверенная, и Рэйчел сомневалась, что ей нравится, когда указывают, что делать. Грэйс пришла с отличными рекомендациями, но Рэйчел прежде её не видела. У неё не было права голоса при назначении зоолога, и это до сих пор её задевало.

Грэйс была бледной и худой, и новости о самоубийстве, казалось, выпили те немногие краски, которые в ней были. Такая реакция казалась преувеличенной. Белла, в конце концов, была ей никем.

Однако Энн захотелось узнать все детали.

– Как ужасно! – сказала она, когда история об обнаружении трупа была завершена. – Что ты сделала потом?

– Я пошла в Блэклоу и позвонила. – Она вошла тихо, стараясь не напугать Даги, хотя и понимала, что он, возможно, ожидает, что Белла будет шуметь в доме. Она расслабилась, услышав голоса наверху, и на секунду задумалась, не привиделось ли ей всё. Она тихонько поднималась по лестнице, размышляя: «Боже, я буду выглядеть полной дурой, если Белла выйдет и застанет меня тут». Затем раздался громкий взрыв музыки, и она поняла, что голоса раздавались из телевизора в комнате Даги.

– Кажется, я даже не знаю, кому звонить в случае суицида. – Голос Энн звучал сочувственно, но немного удивлённо, и Рэйчел разозлилась. «Бог мой, – подумала она, – надеюсь, мы не начинаем действовать друг другу на нервы уже сейчас».

– Я набрала 999. Не знала, что ещё сделать. Оператор соединил меня с полицией, и они вызвали доктора. Я должна была подумать о том, что он в любом случае понадобится бы Даги.

Доктора звали Уилсон. Она беспокоилась, что он потеряется по дороге, но он навещал Даги раньше и знал местность. Он приехал на «Ренджровере», в туристических ботинках и штанах и был похож на ветеринара.

– Он сказал, что Белла к тому времени была мертва уже по меньшей мере два часа, затем появился полицейский. Они вызвали сотрудника похоронного бюро из Киммерстона.

Она предложила доехать до развилки, чтобы показать путь сотруднику бюро. Мистер Драммонд был очень любезен, учитывая поздний час и ужасную дорогу. У него было круглое ангельское лицо и очки, и он сказал, что самоубийства – это всегда большое горе. Затем доктору пришлось послать за «Скорой», чтобы забрали Даги. Он не мог оставаться в Блэклоу, где за ним некому было приглядывать. Возможно, доктор ждал, что Рэйчел вызовется добровольцем, но это было не в её силах, даже на день. Она даже подумала, не лучше ли было бы Даги уехать с мистером Драммондом и Беллой, но едва ли можно было предложить такое.

– Как отреагировал мистер Фёрнесс? – спросила Энн. – Тебе пришлось ему сообщить?

Рэйчел подумала, что Энн наслаждается трагедией. Она всегда любила драматизировать.

– Конечно, – сказала она. – Так хотела Белла.

– Он понял?

– О да.

– Как он это воспринял?

– Заплакал.

– Ты сказала ему, что она совершила самоубийство?

– Нет. Только что она мертва.

Они с доктором стояли перед домом на свежевыскобленном дворе и смотрели, как санитары «Скорой» поднимают Даги на каталку. Доктор дрожал, хотя она больше не чувствовала холода.

– Наверное, было тяжело, – сказал Уилсон. – Жить здесь, в глуши. Следить за фермой и заботиться о мистере Фёрнесе. Не то чтоб она была для этого рождена. Думаю, что-то в ней просто оборвалось.

– Нет, – твёрдо ответила она. – Правда. Всё было не так. Белла любила Блэклоу. Наслаждалась каждой минутой здесь.

Он бросил на неё жалостливый взгляд, потому что решил, что она не может смириться с реальным положением дел. Впервые она задумалась над тем, что Белла имела в виду, когда написала, что больше так не может.

Когда «Скорая», доктор и полиция уехали, она осталась с молодым полицейским. Он смотрел, как габаритные огни других машин исчезают в темноте, с чем-то похожим на тоску, словно его бросили, затем сказал:

– Не знаете, есть ли спиртное в доме? – Она видела, что ему хочется пройти внутрь, и это показалось ей не слишком профессиональным, даже когда он добавил: – Думаю, вам не помешает выпить.

Рэйчел нашла бутылку виски в буфете в гостиной. Они сели на кухне, где было теплее. Он налил себе, не спрашивая разрешения, и передал ей бутылку.

– Что вы делаете в такой глуши?

– Работаю.

– Работаете на Фёрнессов?

– Нет, на природоохранное агентство. «Питер Кемп и партнёры». Мы оцениваем воздействие на окружающую среду. Нам разрешили использовать коттедж внизу по дороге как базу.

Он выглядел озадаченным.

– Вы слышали что-нибудь о предполагаемом открытии карьера в Национальном парке?

– Да. – Но его голос звучал неуверенно. Он был похож на мальчика, который оптимистично старается выкрутиться, когда нужно отвечать невыученный урок, так что она рассказала ему. Про карьер, планируемое ходатайство, требование суда оценить ущерб.

– Нас наняли, чтобы мы провели исследование и отчитались.

– И вы здесь всё время совсем одна?

– Только сегодня ночью. Мои коллеги приедут завтра. – Она посмотрела в окно на светящееся небо. – Сегодня.

– Наверное, приедет Питер Кемп.

– Нет. Питер сейчас нечасто работает на местности. Энн Прис, ботаник. Грэйс Фулвелл, специалист по млекопитающим.

– Три девушки?

– Три женщины.

– Ах да. – Он сделал паузу. – И вы должны ходить на холмы. Подсчитывать?

– Что-то вроде того. Есть стандартные методы работы.

– Разве это не опасно?

– Вы имеете в виду, для женщин?

– Ну, для всех.

– Мы оставляем запись о нашем маршруте и времени планируемого прибытия на базу. Если возникнет проблема, остальные смогут организовать поиски.

– Мне бы не хотелось оказаться там без рации. – Он вздрогнул, словно ему внезапно стало холодно. – Мне бы не хотелось вообще там оказаться.

Она заметила, что он затягивает разговор, чтобы не отправляться в путь одному в темноте.

– Вы не сельский житель, – сказала она.

– Так заметно? – Он улыбнулся. – Нет. Родился и вырос в Ньюкасле. Но Джен, моя жена, подумала, что за городом лучше растить детей, так что я попросил о переводе. Лучшее моё решение.

Впрочем, здесь, в глуши, он уже не казался столь уверенным. Она ещё раньше поняла, что он женат. Дело было не только в кольце. У него был ухоженный, теплый вид.

– Разве вам не пора к ним? – спросила она. – Они волнуются, не знают, где вы.

– Нет, Джен с ребёнком поехали к бабушке. Они не вернутся до начала недели.

Она ощутила ревность к этой незнакомой женщине. Он так явно скучал по ней. И дело не только в свежевыглаженных рубашках и обедах. Дело в пустой постели и отсутствии собеседника, когда он возвращался домой с работы.

– Вы не против ответить на пару вопросов о миссис Фёрнесс? Сейчас, я имею в виду. Вы, должно быть, пережили шок, но мне рано или поздно потребуются показания.

– Нет, – сказала она. – Я хотела бы оправиться, а затем немного поспать, прежде чем сюда придут остальные. Что вы хотите знать?

– Всё, что можете мне о ней рассказать.

«Интересно, сказал бы ты это, – подумала она, – будь твоя жена дома?» Но всё равно поговорила с ним, потому что ей хотелось рассказать кому-нибудь о Белле и о том, какими хорошими подругами они были. Это было как в сказке, сказала она. Белла приходит на ферму присматривать за матерью Даги и влюбляется во всё это, в Даги, Блэклоу и холмы. Они играют свадьбу и живут долго и счастливо, даже после инсульта Даги.

– Почему же тогда она убила себя?

Она не была уверена, что он слушал. Этот вопрос подспудно волновал её весь вечер.

– Я не знаю.

– Но в записке её почерк?

– О да. И дело не только в почерке. В том, как сочетаются слова. Белла разговаривала именно так.

– Когда вы видели её в последний раз?

– В ноябре прошлого года.

– Что ж, тогда понятно. Что угодно могло произойти за четыре месяца.

– Думаю, могло.

Хотя раньше она не думала, что Белла когда-нибудь изменится. Белла должна была понимать, что нельзя всё так оставить. Она должна была понимать, что у Рэйчел возникнут вопросы, что она не успокоится, пока не обнаружит истинную подоплёку случившегося. Так почему же она не дала Рэйчел больше подсказок?

– Мне не хотелось бы оставлять вас одну. Вы могли бы у кого-то переночевать?

«Хочешь, чтобы я составила тебе компанию, – подумала она, – по пути на основную дорогу».

– Я подожду, пока остальные приедут, затем, может быть, отправлюсь к матери в Киммерстон.

Это было сказано, чтобы избавиться от него, чтобы он понял, что у неё есть семья. Кто-то, кто за ней присмотрит. Затем она решила, что можно заехать домой на пару часов. Она разберётся с Энн и Грэйс в коттедже, потом поедет повидать Эдди. Не ради собственного спокойствия. Эдди не тот тип матери.

Глава третья

Вместо того чтобы открыть ключом дверь на первом этаже, она спустилась по ступенькам и постучала в окно кухни. Ей не хотелось внезапно появляться на кухне из дома, словно призрак или грабитель. Эдди не ожидает, что она вернётся.

Дверь открыли, но это была не Эдди, а женщина средних лет с неестественно чёрными крашеными волосами, обрезанными прямо посередине лба в духе Клеопатры. На ней были массивные золотые серьги и вязаное платье в обтяжку, доходившее почти до щиколоток. Платье было алым, того же оттенка, что и её помада. В доме был ещё ребёнок, девочка, одетая в джинсу, скучающая и хмурая. Рэйчел внезапно ощутила прилив солидарности. Комната была

полна сигаретного дыма. Было очень жарко. Должно быть, парочку пригласили на ранний ужин, потому что на столе были остатки типичной для Эдди еды. Там стояли миски с пастой, привезённые с каникул в Тоскане, кусочки багета, пустая бутылка ужасно дешёвого румынского красного. Эдди делала кофе в голубом жестяном кофейнике и подняла голову, не удивившись её приходу. Люди постоянно стучали в окно кухни.

– Милая, – сказала она. – Заходи. И закрой дверь. На улице сильный ветер.

Рэйчел дверь закрыла, но осталась стоять.

– Мне нужно поговорить с тобой.

– Кофе? – Эдди рассеянно повернулась, не выпуская из рук чайника.

– Мама! – Это было единственное слово, до которого она додумалась, чтобы привлечь внимание Эдди. Рэйчел никогда так её не называла.

Эдди посмотрела на неё, нахмурилась.

– Что-то срочное?

– Да. Действительно срочное.

Клеопатра и её дочь были выдворены с профессионализмом, вежливостью и поспешностью, которые поразили Рэйчел. Кофе так и остался недопитым.

Рэйчел услышала голос Эдди у передней двери:

– Как жаль, что вам пора, – словно уход был полностью их идеей.

Когда Эдди вернулась на кухню, Рэйчел нашла ещё одну бутылку вина и открывала её.

– Лучше не позволять людям курить здесь.

– Знаю, милая, но она была в отчаянии. Её муж только что сбежал с одной из своих студенток.

– И вы обсуждали это здесь. В присутствии их дочери.

– Не напрямую. – Она подобрала слово: – Эллиптически. Он преподавал со мной в колледже. Я наняла его. Чувствую определённую ответственность.

– Разумеется. – Это было сказано с иронией, которую Эдди прекрасно распознала.

Она села напротив Рэйчел за выскобленный сосновый стол и спокойно взяла ещё бокал вина. Эдди недавно вышла на пенсию, но не позволяла себе распуститься. Несмотря на склонность к радикальным взглядам, которые так смущали Рэйчел в детстве, она всегда была убеждена, что внешность имеет значение. Её короткие волосы были грамотно подстрижены, кожа чистая. Она хорошо одевалась, в стиле стареющих хиппи, носила длинные юбки, этнические стёганные куртки. Рэйчел задумалась, нет ли у её матери любовника. Когда она росла, всегда были мужчины, но Эдди вела себя с осторожностью, граничащей с одержимостью. Этим мужчинам никогда не были рады на хаотичной, полной народа кухне. Им давали понять, что они никогда не должны посягать на домашнюю жизнь Эдди.

Эдди посмотрела на Рэйчел поверх бокала.

– Надеюсь, – сказала она осторожно, – ты здесь не для того, чтоб приняться за старое.

Имелся в виду её отец.

– Нет.

– Тогда скажи мне, – мягко попросила Эдди, – чем я могу помочь.

Рэйчел молча пила вино.

– Проблема с парнем?

– Не глупи. Мне не четырнадцать. И вообще, думаешь, я бы стала говорить с тобой о чём-то подобном?

– Ну, да. Надеюсь, что да. – В голосе Эдди слышалось сожаление, и Рэйчел почувствовала, что ведёт себя грубо, глупо и по-детски.

– Белла умерла, – сказала она. – Прошлой ночью. Покончила с собой, повесилась. Я её нашла.

– Почему ты не приехала домой раньше? Или не позвонила? Я бы могла за тобой приехать.

– Думала, что справлюсь сама.

– Дело не в этом. Уверена, что справишься.

Прошло время, прежде чем Рэйчел ответила.

– Нет, – сказала она. – Не сама. Не в этот раз.

– А-а. – Эдди допила свой бокал. Вино оставило след на её губах и широких передних зубах, которые Рэйчел унаследовала. – Ты знаешь, я всегда завидовала Белле. Немного. Это не значит, что мне не жаль. Разумеется, нет. Но меня обижало, что вы так близки, вы двое.

– Вы ведь не были знакомы?

– Тем хуже. Мне казалось... то, как ты о ней говорила. Я думала...

– Что я хотела бы, чтоб она была моей матерью?

– Что-то вроде того.

– Нет, – сказала Рэйчел. – Но мы были друзьями. Настоящими, близкими друзьями.

– Если хочешь поговорить о ней, я могу слушать всю ночь.

– Боже, нет.

Разве не обычно для Эдди и её друзей думать, что разговоры – это всё, что требуется? Во времена её детства этот дом был полон разговоров. Ей чудилось, что они – суп из слов и она в нём тонет. Возможно, поэтому она предпочитала цифры, предпочитала считать. Цифры были точны, не допускали двойного толкования.

– Что тогда?

– Мне нужно знать, почему она это сделала.

– Мы уверены, что она этого хотела? Это не мог быть несчастный случай? Или даже убийство?

Рэйчел покачала головой.

– Приезжала полиция. И записка была. Почерк её. Я объяснила полицейскому, что слова подобраны так, как говорила только она. Понимаешь, что я имею в виду?

Эдди кивнула.

«Конечно, – подумала Рэйчел, – ты знаешь о словах всё».

– Она знала, что я приеду той ночью. Если у неё были проблемы, она могла рассказать мне. Может, думала, что не смогу помочь.

– Нет, она так не думала.

– Мне надо было поддерживать связь с ней зимой. Тогда бы я знала. Понимаешь, я даже ей не позвонила.

– А она звонила тебе?

– Нет.

– Тебе известно, что вина – распространенная часть симптомокомплекса, вызванного потерей близкого человека?

– Эдди!

Эдди преподавала английский и театроведение в прединiversитетском колледже¹, но также отвечала там за пастырскую заботу. Она посещала курсы по психотерапии. Механически воспроизводимые ею крупницы знаний о психологии всегда раздражали Рэйчел.

– Знаю, – невозмутимо сказала Эдди. – Психологическая болтовня. Но это не значит, что в этом нет смысла.

– В самом деле. Мне всё это не нужно.

– Я не совсем понимаю, что тебе нужно.

¹ Sixth form college (англ.) – в британской системе образования промежуточная ступень между старшей школой и университетом.

– Практическая помощь. Надо выяснить, что привело к самоубийству Беллы. Пока я в Блэклоу, сделать это не получится. Кроме того, тут ты сильна. Знаешь, как разговаривать. Слушать. Даже собирать сплетни. Кто-то должен был представлять, почему она решила убить себя.

– А она бы хотела, чтоб ты этим занималась? Звучит как... вторжение в личную жизнь.

– Она спланировала всё так, чтобы её нашла я. Она знала меня. Знала, что я стану задавать вопросы.

– Ну, с чего начнём? – Эдди всегда задавала этот вопрос в те дни, когда они садились вместе на автобус, чтобы отправиться в долгое путешествие в Ньюкасл. Они стояли посреди Хеймаркета, и перед ними расстилалась Нортумберлендская улица, магазины которой кишели народом. Рэйчел всегда нравилось открытое пространство, и, оглушённая, она чувствовала, как подступает паника, но процесс шопинга у Эдди был хорошо организован.

– Итак, с чего начнём? – И она доставала список и планировала день: в «Фарнонс» за школьной формой, в «Бэйнбридж» – за тканью для штор, ланч в студенческом кафе напротив Королевского театра, в «Маркс энд Спенсер» за трусами и носками и назад в Хеймаркет на трехчасовой автобус.

Рэйчел, как и раньше, почувствовала себя спокойнее после этих слов.

– Думаю, с похорон.

– Кто ими занимается?

– Невилл, сын Даги. Надо было сообщить им о случившемся, хотя это мне не сразу пришло в голову. Никогда не думала, что у него есть какая-то связь с Беллой. Она почти не упоминала о нём. Но, конечно, он должен был узнать о Даги и о том, что теперь надо присматривать за фермой. Овцы только начали ягниться...

– И он взял на себя ответственность за похороны.

– Да, сказал, что готов это сделать. Я спросила, не будет ли он против, если я помещу объявление в «Газетт». К ней хорошо относились другие местные фермеры. Кто-то из друзей семьи может увидеть и прийти. – Она повернулась к Эдди. – Всё это время я, по сути, ничего не знала о ней. Не знаю, живы ли её родители, есть ли у неё братья и сёстры, даже где она родилась. Мы постоянно говорили обо мне, а о её жизни – только если про Даги или ферму. Невилл спросил, есть ли у неё родственники, которых надо известить, и я не смогла ответить.

– Даги не может помочь?

– Никогда не знала, что там на самом деле с Даги. Белла болтала с ним абсолютно так же, как и до инсульта, но иногда мне казалось, что она обманывала себя, думая, что он всё понимает. На простые вопросы он отвечал, это да. «Хочешь пить?» «Мне открыть окно?» Но кроме этого? – Она пожала плечами. – И, возможно, она и ему толком никогда не рассказывала о своём прошлом. Он так сильно её любил, что ему было всё равно.

– Где Даги живёт сейчас?

– В доме для престарелых. Роузмаунт. Знаешь это место?

– Хм. Я знакома с ночной сестрой. Учила её сына. Там были проблемы, и я смогла немного помочь. Так что...

– Она может оплатить услугой за услугу?

– Она ведь тоже могла бы немного помочь?

– Наверное, ты думаешь, что я ненормальная, – сказала Рэйчел. Они почти допили бутылку. – Возможно, считаешь, что мне надо принять, что она мертва, и смириться. К чему ворошить прошлое, верно?

– Ты могла бы так поступить? Просто закрыть на это глаза?

– Нет.

– Тогда какой смысл спрашивать?

Рэйчел собиралась идти спать, когда Эдди спросила:

– Это не может быть как-то связано с карьерой?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты сказала, она любила эти холмы. Смогла бы она это вынести – огромный шрам на поверхности холмов, взрывчатку, грузовики? Я знаю, что это не её земля, но ей бы пришлось на это смотреть, правда? Каждый день.

– Для неё это было бы ужасно, но просто так она бы не смирилась. Она бы боролась. Легла бы перед бульдозером, если бы потребовалось.

– Но если бы она знала, что в конце концов ничто из этого не сработает?

– Как она могла это знать? Мы ещё не начали работу. Пока мы не закончим, до публичного разбирательства никакого решения не может быть принято. И для нее важнее было быть с Даги. По большому счёту только это её и заботило.

Глава четвёртая

Рэйчел работала с крупномасштабной картой. Она уже выбрала районы для исследования, ориентируясь на естественные границы, отмеченные на карте. Ни один из них не проходил через землю Блэкленда. Участок рядом с ручьём и заброшенной шахтой был сильно выеден. Там заведовал хозяйством один из арендаторов Холм-Парк, и вереска почти не осталось. По этому участку будет легко ходить, но она подозревала, что птиц он не слишком привлекает. Другой был клочком вересковой пустоши, который использовали для охоты на куропадок. Собственники имения Холм-Парк сдавали его в аренду синдикату итальянских бизнесменов. Она подозревала, что стрелять на фоне промышленного шума на карьере им понравится значительно меньше, но допускала, что «Карьеры Слейтбёрн» предложили владельцам такую соблазнительную сделку, что отсутствие дохода от стрельбы вряд ли ударит по их кошельку.

Квадрат в низине было легко нанести на план. Одной из границ стал Скёрл. Двумя другими были ограды от овец, пересекавшиеся под прямым углом. Четвёртой были остатки дороги, которая проходила мимо Бейкиз, пересекала ручей по простому мосту и дальше вела к шахте. Она нарисовала на карте линии, параллельные ручью, которые пересекали исследуемый квадрат. На местности эти трансекты будут на расстоянии двухсот метров. Она пойдёт по ним, подсчитывая всех птиц, которых увидит или услышит. Это была система, известная как методология Кемпа.

Участок на пустоши разметить было сложнее. На карте были дренажные канавы, уложенная без раствора каменная стена, но она знала, что даже в условиях хорошей видимости будет сложно придерживаться трансект в такой безликой местности. Некоторые исследователи были небрежны. Они, кажется, полагали, что лёгкое отклонение от карты несущественно. Рэйчел была одержима точностью. Она презирала приблизительные и торопливые подсчёты. Отказывалась работать, если погодные условия могли повлиять на результат расчёта. Могла смириться с моросью, но никогда – с ветром. Ветер заглушал птиц, и в нём тонули крики обитателей болот.

Утром, когда она вернулась от Эдди, было уже слишком поздно для подсчётов, которые следовало начинать на рассвете и завершать за три часа. День был такой тихий, ясный, скорее июньский, чем апрельский, что ненадолго она пожалела, что уезжала. Она думала, что Энн и Грэйс уже вышли, решив воспользоваться погодой, чтобы начать свою работу, но они всё ещё были в Бейкиз. Пахло беконом и кофе. Грэйс была в гостиной, работала над картой, расстеленной на полу, но Энн сидела на белой скамье кованого железа перед дверью кухни, подставив лицо солнцу. Она отсалютовала Рэйчел кружкой.

– Налей себе кофе. В кофейнике ещё остался, должен быть тёплый. Я привезла свой. Терпеть не могу растворимый. – Она швырнула кусочек шкурки от бекона с тарелки на траву.

– Лучше тебе не кормить птиц в это время года, – сказала Рэйчел. – Нехорошо для молодняка.

– Извините, мисс. – Она ухмыльнулась. Рэйчел почувствовала, что краснеет, и отправилась на кухню. Там царил беспорядок. Никто не помыл тарелки, оставшиеся с прошлого вечера. Она постаралась не замечать этого.

– Я собираюсь проверить свой участок на пустоши, – крикнула она Энн. – Не уверена, что все эти признаки границ видны. Ты планируешь выходить?

– Я работаю над этим.

– Сперва ты убери всё это. – Она пожалела о своих словах, как только их произнесла. Она говорила, как вожатая девочек-скаутов. Энн, должно быть, всё слышала, но ничего не ответила. Когда Рэйчел прошла мимо неё по пути на холм, та всё ещё сидела на солнце с закрытыми глазами, но не попрощалась.

На стене со стороны дороги сидели три каменки и трясли хвостами, показывая белые гуски. Белла каждый год обращала внимание на первых каменок. «Чёрный и белый, – сказала она однажды Рэйчел. – Зимние цвета. Кажется чем-то неправильным, что они прилетают весной. То же и с белозобыми дроздами. Хотя здесь, по-моему, до зимы никогда не бывает далеко».

Рэйчел однажды предложила Белле съездить отдохнуть. Куда-то, где есть яркие цвета. Социальная служба организовала бы временный уход за Даги. Но Белла пришла в ужас. «Я не могу оставить его, – сказала она. – Слишком сильно буду скучать. Как я смогу наслаждаться жизнью, не зная, что они с ним делают?»

– А Невилл не мог бы приехать ненадолго?

– Мог бы. Но он не привык к Даги. Так не пойдёт.

Дорога пересекала ручей и вела к старому свинцовому руднику. Собственники земли когда-то обсуждали перспективу ремонта, план по превращению в живой музей, но ничего из этого не вышло. Скоро почти нечего будет сохранять. Труба здесь до сих пор была, но уже попорченная погодой, осыпающаяся сверху, так что казалось, будто кладка расползается, как вязание. Раньше здесь был ряд коттеджей, в которых жили рабочие, но лишь у одного из них сохранилась крыша. Пахло затхлой водой и разложением. У дверей старого здания машинного отделения она заметила букетик цветов – ландыши и нарциссы. Она решила, что ребёнка вытащили на прогулку и он забежал в сад Бейкиз, но потом вспомнила, что уже видела цветы здесь пару раз.

Если Годфри Во человек умелый, то это место станет руководящим центром для разработки нового карьера. Доказано, говорил он, что у этих холмов всегда было промышленное применение. Они были не просто местом для зевак-туристов. Дома будут разрушены и заменены постройкой, более пригодной для планирующихся операций, зданием с чистыми линиями из стекла и местного камня. Рэйчел видела рисунок, выполненный художником. Здание казалось невысоким и неприметным, встроенным в холм. Через большие окна можно было увидеть схематично нарисованных женщин, сидящих за компьютерными терминалами. На плане был пейзаж, цепь только что посаженных деревьев. Не было только изображения самого карьера, взрывных работ грузовиков и машин с клешнями и лопатами. Были, впрочем, детали плана по реконструкции трубы рудника. По мнению пиарщиков, она должна была стать символом преемственности и уже появилась на логотипе компании.

Выйдя с территории рудника, Рэйчел свернула с дороги и стала карабкаться прямым на утёс Хоуп. Отсюда она могла охватить взглядом свой квадрат пустоши. Холм плавно переходил в череду плоских возвышенностей на горизонте, разнообразие вносил лес вокруг дома в Холм-Парк и деревни Ленгхолм. Лесник периодически жёг вереск, чтобы скорее появились новые почки в пищу куропаткам, так что зелень на разных полосах и клочках росла по-разному. Работать на этом месте ей нравилось больше. Она улеглась на живот и стала смотреть вниз. В лицо дул лёгкий западный ветер, вокруг слышалось пение луговых коньков, жаворонков, кроншнепов.

Она сразу увидела, что определить область исследования будет сложно, как она и предполагала, но восприняла это как вызов. Прямая водосточная канава будет обозначать одну границу, а обрушившаяся в нескольких местах стена сойдёт за другую. С оставшимися ей помогут карта и компас. Не многие исследователи смогли бы достичь приемлемой точности, используя этот метод, но она справится.

Знание придало ей уверенности. Она быстро поднялась на ноги и стала спускаться вниз, к группе хвойных деревьев, немного откидываясь назад на спуске и вбивая каблук в покрытую вереском землю, чтобы быстрее идти. Через насаждения лесохозяйства шла тропа, которая могла довести её почти до двора фермы Блэклоу. Может быть, Энн Прис ещё в Бейкиз, работает над картой, и Рэйчел хотелось прояснить всё в отношениях с ней. Нельзя давать пищу обидам. Эдди, разумеется, знала бы, что сказать. Рэйчел же преувеличивала значение подобных ссор или, напротив, не уделяла им достаточно внимания, но всё-таки она была ответственной за проект и её обязанностью было уладить разногласия.

Она спустилась со склона так быстро, что внизу ей пришлось остановиться ненадолго, перевести дыхание, прежде чем продолжить путь к деревьям по сырому участку пушицы. Она сделала приседание и потянулась, снимая напряжение в мышцах ног, потом обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на холм.

Там кто-то был, стоял на том же месте, где ещё несколько минут назад лежала на животе Рэйчел. Едва ли она могла не заметить, что кто-то подошёл. Она проводила осмотр местности, так что они, должно быть, следовали за ней по тропе от главного свинцового рудника, но тихо, не обнаруживая себя. В глаза Рэйчел било солнце, поэтому фигура казалась лишь силуэтом у скопления камней, почти ещё одним выступом скалы. Она стояла неподвижно и, кажется, смотрела вниз прямо на Рэйчел. Внезапно ей вспомнился человек на холме в вечер самоубийства Беллы. Тревожное чувство, что за ней наблюдают, вернулось.

Однако на этот раз у неё сложилось впечатление, что это женщина. Силуэт на фоне солнца был женским – волосы короткие или убраны с лица, длинная юбка поверх ботинок. На мгновение, в приливе фантазии, Рэйчел подумала о Белле, которая всегда предпочитала юбкам штаны и часто носила их на ферме с резиновыми сапогами. Рэйчел перекинула ремень бинокля через плечо, готовясь к марш-броску вниз. Теперь же, замерев на минуту, поразившись фигуре, она высвободила руку из ремня и поднесла бинокль к глазам, но, вероятно, пока пыталась сфокусировать его, женщина скрылась за грудой камней. Остались только утёс и каменка в его тени, подпрыгивающая на одном из валунов.

«Должно быть, кто-то гуляет, – подумала она, – или Энн пришла помириться со мной. Хотя на Энн, как и на Грэйс, были джинсы».

Рэйчел снова почувствовала себя выбитой из колеи, когда подошла к ловушке для воронов. Её поставили на куске сухой земли недалеко от лесохозяйства, так близко, что чувствовался запах хвои. Рэйчел знала, что лесники ненавидят воронов – даже Белла хотела от них избавиться, – но решила, что перед ней особенно жуткая форма регулирования популяции, жуткая не для убитых птиц, но для тех, что играли роль приманки.

Ловушкой служила большая клетка из проволоочной сетки с отверстием на крыше. Внутри клетки махал крыльями живой ворон, провоцируя других и приглашая защитить свою территорию. Как только птица попадала в отверстие, пути назад уже не было. Видимо, им приходилось находить способы сосуществования, пока не приходил лесник и не прекращал страдания.

Лесник периодически двигал клетку. Вороны привязаны к своей территории и не улетают далеко, даже ради схватки. Последний раз, когда Рэйчел видела клетку, та была на краю болота рядом со свинцовым рудником. С ней был Питер – он отпустил одну из своих возмутительных шуток галантного кавалера. Тогда, по наивности, ей это льстило. Они увидели двух птиц в ловушке, и Питер сказал:

– Гляди, прямо как мы. Ты поймала меня, и нет пути назад.

Она улыбнулась, но даже тогда, хоть и хотелось верить ему, знала, что всё совсем наоборот.

Глава пятая

Рэйчел училась в магистратуре Даремского университета, когда впервые встретила Питера Кемпа. Она окончила бакалавриат в Кембридже, настолько далеко от Эдди, насколько возможно, затем переехала на север – не ради того, чтоб быть поближе к матери, но потому, что холмы стали её страстью. Всё началось с изучения тетеревов, затем её интерес привлекли болотные птицы, такие как кроншнеп и бекас. Рэйчел разрабатывала систему для точного их подсчёта, когда познакомилась с Питером. Коттедж Бейки был её базой. С Беллой они уже подружились.

Стоял ветреный апрельский день. Она приехала в Киммерстон по просьбе Боба Хьюлетта из природоохранной службы, которому её проект показался способом получить полезные данные задёшево. Они с Бобом встречались и раньше, и он ей не слишком нравился. Это был мужчина средних лет в твидовом костюме. Боб водил «Лендровер», где сзади сидела пара чёрных лабрадоров, и выглядел как сельский землевладелец. Рэйчел считала, что он слишком близок к местным фермерам, слишком отчаянно старается быть принятым в их круг, чтобы хорошо выполнять свою работу. Он жил в Ленгхолме, и она видела его в пабе, где Боб пил и обменивался панибратскими шлепками по спине с приятелями. Однако было ясно, что обижать его не стоит – однажды Рэйчел могла захотеть устроиться в правительственную природоохранную службу, – так что, получив приглашение на ланч в «Белый олень», чтобы обсудить её проект, она любезно его приняла.

– Я пригласил Питера Кемпа присоединиться к нам позже, – внезапно сказал Боб, когда принесли еду. – Он занимается тем же, чем занимаешься ты, для фонда дикой природы. Вы можете быть полезны друг другу.

Тогда она услышала про Питера впервые, хотя Боб полагал, что она знала, о ком идёт речь.

«Белый олень» был основательным каменным отелем на широкой главной улице Киммерстона. Когда-то это было единственное место в городе, где можно было поесть. Теперь открылись индийский ресторан, пиццерия, появилась китайская еда на вынос, и «Белый олень» утратил свой лоск. Вечером пятницы бар отеля был прибежищем желавших выпить несовершеннолетних. Часто бывало шумно, со стычками по пустякам и визитами полиции. В оставшиеся дни недели здесь царил дух элегантного упадка. У немолодых официанток в чёрно-белой униформе было немного клиентов, даже в дни, когда открывался рынок, ресторан в кои-то веки наполнялся народом. Здесь гордились «традиционной» кухней, то есть пережаренными овощами и вязкой коричневой подливкой, которую подавали к каждому блюду. Сообщение Рэйчел о том, что она вегетарианка, вызвало переполох. В конце концов, перед ней поставили омлет с жёстким, как подошва, сыром.

Упомянув Питера Кемпа, Боб лучезарно улыбнулся ей через стол. Он говорил тоном эдакого буколического дядюшки, на её вкус – чересчур фамильярно. Несмотря на то что снаружи стоял припаркованный «Лендровер», он выпил пару стаканов скотча, пока они ожидали заказ, и затем пинту пива, чтоб запить еду. Рэйчел решила, что Питер Кемп, должно быть, недавно в Фонде дикой природы. Она знала большую часть команды. Она была уверена, что он ей не понравится; помощь с проектом ей не требовалась. Эдди бы резко ответила на покровительственные манеры Боба – многозначительная улыбка, направляющая рука на её талии, – но Рэйчел всегда было сложно быть решительной без грубости.

Впервые она увидела Питера, когда он мялся в дверях обеденной залы. Его наполовину скрывал из вида тёмный дубовый шкаф, в котором стояли заляпанные стеклянные бутылочки и лежали фасованные пакетики с соусом тартар. Она заметила, как страдающая артритом официантка подошла к нему, чтобы сообщить, что он опоздал на ланч. Питер покачал головой и мило улыбнулся ей, кивнув в их сторону. Рэйчел точно знала, что пожилая дама будет вспоминать эту улыбку весь остаток дня. Он выглядел очень юным – шестиклассник, которого отпустили из школы в обед, отпустили, почти наверняка, из хорошей школы. Направляясь к ним, он улыбался с очаровательной застенчивостью, которая была его отличительной чертой, но Рэйчел ощутила исходившую от него уверенность, следствие дорогого образования.

Он был спортивным. Это она тоже почувствовала. Даже идя по ковру с цветочным рисунком в обеденной зале, он шёл размашисто, широким шагом. Он сел за стол и протянул руку Бобу в официальном приветствии. Они обменялись парой слов, и затем Питер повернулся к ней. Рэйчел пришлось приподняться на стуле, чтобы ответить на рукопожатие, и она ощутила неловкость, невыигрышность своего положения.

– Я, разумеется, знаю ваше имя из доклада о птицах, – сказал он. – И от коллег. Вам, конечно известно, что у вас впечатляющая репутация.

Она снова услышала в его голосе искренность школьника, желающего угодить. Она знала, что ею манипулируют, но после той улыбки официантке не могла перед ним устоять.

Даже поддавшись лести, она чувствовала, что Питеру что-то от неё нужно. Он сообщил, что хотел бы посмотреть её участок исследования и сопоставить разработанные ею методы с его собственными. К тому времени, как Боб Хьюлетт допил вторую пинту – они с Питером взяли на двоих кофейник кофе, – она пригласила его в Бейкиз на пару дней, взглянуть на её работу. Выходя из отеля, Рэйчел чувствовала, что стоит на ногах хуже, чем Боб, который точно был не вполне трезв и уехал, помахав им рукой; лабрадоры бешено лаяли на заднем сиденье.

Той весной Питер провёл в Бейкиз больше, чем пару дней. В конце концов он стал бывать там чаще, чем в офисе, и, как правило, оставался на ночь. Оправданием ему служило, что Фонд дикой природы собирается купить в горах землю под заповедник. Возможно, не в этой части страны, но ему требуется собрать основные данные по болотным птицам, чтобы выбрать правильное место для означенных целей. Рэйчел знала, что это предлог – он мог воспользоваться её данными, когда проект будет завершён, – и ей было приятно.

Её увлечение было оправдано неопытностью. В университете у неё был роман с мужчиной постарше, преподавателем материаловедения. Роман был обречён на провал. Даже Рэйчел, презиравшая психологический лепет Эдди, могла сказать, что искала не любовника, а отца, и Юэн не подходил по обоим параметрам. Раньше у неё не было отношений с человеком её возраста, всегда было мало друзей обоего пола, так что страсть к Питеру достигла накала подростковой влюблённости.

Эдди, конечно, сразу увидела его насквозь. Рэйчел совершила ошибку, взяв его на встречу с матерью в одно из воскресений. Был май, жаркий и влажный день, и они накрыли ланч в саду. Предполагалось, что атмосфера будет расслабленная, но Эдди невзлюбила Питера с самого начала. Она смотрела в бокал из-под вина, пока они переговаривались через её голову. Чем враждебней казалась Эдди, тем больше Питер старался очаровать её. Даже Рэйчел видела, что его поведение кажется наигранным и неискренним. Позже она ожидала лекции насчёт своего выбора мужчин, но Эдди была непривычно сдержанна.

– Чуть больше рисуется, чем надо, на мой вкус, – сказала она театральным шёпотом, когда пошла за Рэйчел на кухню с подносом, полным грязных тарелок. – Никогда не доверяй тем, кто любит широкие жесты.

Но именно широта жестов завороживала Рэйчел и стала слабым местом этих отношений. Ей нравилось, как Питер исчезал из Бейкиз, сославшись на встречу в штаб-квартире фонда,

чтобы вернуться в сумерках с цветами и шампанским. Нравилось танцевать с ним на лужайке под музыку из старого заводного граммофона Констанс. Никто так не ухаживал за ней раньше.

Она не могла обсудить эту экстравагантность с Эдди, которая, даже не вспыхивая, она к Питеру нелюбовью, всё равно бы не одобрила эти жесты, полные мужского превосходства. Так что, когда хотелось поделиться с кем-нибудь счастьем, Рэйчел шла на ферму Блэклоу посплетничать с Беллой. Белла поощряла её веру в любовь с первого взгляда – разве не именно это произошло у них с Даги? – и следила за романом с доброжелательным интересом.

– Какие у тебя планы? – спрашивала она. – Хочешь продолжать встречаться с ним, когда контракт истечёт?

– Мы особенно не говорим об этом, – отвечала Рэйчел. – Знаешь, живём сегодняшним днём.

Она вдавалась в подробности относительно того, что включало в себя понятие «жить сегодняшним днём», но Белла все поняла бы и так. Неуместно было рассказывать о купании голышом в озере среди холмов при свете луны, о том, что они занимались любовью в зарослях вереска, когда Даги не мог ходить без посторонней помощи. И у Рэйчел были планы, тайные планы, в которых она бы никому не призналась, даже Белле. Может, в них и не было свадьбы с белым платьем, хотя подобные предательские картинки и возникали иногда на краешке подсознания, но был их с Питером общий дом и дети. Эдди бы, несомненно, была в ужасе, но всё, чего Рэйчел действительно хотела, – это стать нормальной матерью в нормальной семье.

Первое предательство, и худшее из всех, произошло через два месяца после того, как Питер ушёл из фонда дикой природы, чтобы основать свою консалтинговую компанию. Рэйчел с самого начала была в деле и, закончив магистерскую диссертацию, начала работать на него. У неё был собственный стол с компьютером в маленьком офисе – всё, что он мог себе позволить. Она была одновременно администратором, секретаршей и главным исследователем.

Больше не было бутылок шампанского и редких ночей страсти, но Рэйчел всё ещё лелеяла мечты. Она понимала, что денег мало и он переживает серьёзный стресс. Нелегко бросить стабильную работу и уйти в одиночное плавание. Достаточно и того, что она в людном, полном хаоса офисе поддерживает его, что иногда он легко касается губами её волос и говорит:

– Ты знаешь, что без тебя я бы не справился со всем этим, правда?

Потом она увидела статью о нём в «Нью Сайентист». В статье описывалась новая методика подсчёта горных птиц. Это была методика, разработанная Рэйчел, и её имя действительно упоминалось крошечным шрифтом в конце статьи среди полудюжины других, включая Энн Прис. Но Питер присвоил её себе. Заявил, что это его собственная методика. Редактор журнала написал в комментарии, воздающем должное новой системе: «Очевидно, что методика Кемпа, с её точностью, ясностью и простотой, станет ориентиром для исследований горной местности. Эта система будет в будущем рекомендована для всех работ подобного типа».

Благодаря этой статье Питер внезапно стал очень востребован. Теперь работы в офисе было хоть отбавляй, и его просили организовывать семинары для других агентств. Он часто просил Рэйчел подготовить ему записи и диаграммы для кодоскопа. Она делала, как сказано, не устраивая сцен, хотя теперь ей стали отвратительны его прикосновения.

Часто Рэйчел задавалась вопросом, почему она не указала ему на то, что он её предал. Почему, в самом деле, она продолжила работать на него, поддерживать компанию, которая тем временем начала расширяться и переехала в новый красивый офис? Разумеется, была практическая причина. На севере Англии нелегко будет найти такую удобную работу, где платят не ниже прожиточного минимума. Но она знала, что это не столь важно. Дело было в гордости. Уволься Рэйчел из «Питер Кемп и партнёры», и ей пришлось бы признаться другим и себе, что Питер оставил её в дураках. Ей придётся принять, что, возможно, единственной причиной, по которой он занимался с ней любовью, было желание украсть её идеи; придётся допустить, что

Эдди была права. Лучше уж пусть мир считает, что Питер изобрёл метод подсчёта птиц. Она была уверена, что теперь он и сам верил в это.

Второе предательство пришло в виде большого квадратного конверта, который она обнаружила на столе однажды утром. В нём было приглашение на свадьбу Питера. Похоже, в том, что он сообщил ей о свадьбе таким способом, не было никакого злого умысла. Он рассчитывал, что роман в Бейки она восприняла как нечто приятное, способ поразвлечься. В конце концов, уже несколько месяцев у них не было близких отношений. Рэйчел узнала от коллег, что девушку звали Амелия. Остальные подробности сообщила Энн Прис, которая однажды впорхнула в офис в поисках работы.

– Амелия? – спросила она. – О, она из светских девиц на непритязательный вкус. Не из аристократов, не слишком интересная. Знаете, потенциальная статистка для групповых фото в журнале «*Hello!*». Была бы вполне ничего, если бы родители заставили её носить брекеты.

Никто на работе не подозревал, что Рэйчел может проявить к помолвке босса больше, чем мимолётный интерес, так что, когда ей наконец захотелось доверить кому-то свою тайну, она изобрела предлог, чтобы провести ночь в Бейкиз. Она пригласила Беллу на ужин и прошмыгала свою историю за коробкой салфеток и двумя бутылками вина. Проснувшись с похмельем и верой в то, что освободилась от влияния Питера Кемпа.

И только ворон, жалко скакавший в ловушке, напомнил ей о нём.

Глава шестая

Рэйчел в деталях продумала, что скажет Энн, когда та вернётся в Бейкиз после прогулки по болоту. «Слушай, извини, что была такой командиршей. Ты должна понимать. Я впервые руковожу проектом и нервничаю из-за этого. Не хочу никаких косяков».

Но когда она пришла, коттедж был пуст. На кухне было чисто. Тарелки вымыли и вытерли. Грэйс и Энн оставили записку, указав место на холме, где собираются работать, и приблизительное время возвращения – больше, чем сообщила им Рэйчел. Разозлившись из-за беспорядка в доме, она пулей вылетела из коттеджа, не оставив информации о своём маршруте, хотя сама настаивала, что это правило никто из них не должен нарушать. Листы бумаги с небрежно записанными координатами и временем, аккуратными квадратами белевшие на столе в гостиной, словно были обвинением ей.

Энн вернулась точно в указанное время. Когда Рэйчел попыталась извиниться перед ней за своё раздражение, та отмахнулась.

– Не глупи, – сказала она. – Не нужно извиняться. Такое мы можем перенести. Мы же взрослые люди, а не группа школьников.

Это замечание, которое сперва виделось Рэйчел примирительным жестом, в итоге показалось новой критикой. Может быть, подразумевалось, что Рэйчел именно так себя и повела? Как учительница с группой школьников?

Чувство, что она не способна найти верный тон в отношениях с Энн и Грэйс, что взяла на себя слишком много контроля или, напротив, вовсе его потеряла, не оставляли её следующие несколько дней. Было невозможно последовательно придерживаться одной линии поведения. Эти женщины были такими разными. Энн была уверенной, дерзкой, почти безрассудной. Грэйс выглядела неестественно отрешённой. Именно Грэйс беспокоила Рэйчел. Она, казалось, стала ещё бледней и тоньше за эти дни после прибытия. Почти ничем с ними не делилась, исключительно по работе. Слова из неё нужно было тащить клещами. Она едва ела. Ковырялась в еде, гоняя её вилок по тарелке. Рэйчел подумала об анорексии. Как-то раз, когда казалось, что за весь день Грэйс ничего не съела, она сказала:

– Знаешь, тебе надо поесть. Особенно если так много ходишь. И затем, нерешительно: – У тебя ведь нет проблем с едой, верно?

Рэйчел было тяжело спросить об этом. Она сама была объектом назойливого сочувствия Эдди. Всё её детство и подростковые годы Эдди была настороже, высматривая признаки анорексии. Ей чудились издевательства, наркотики, даже беременность. Задавались тактичные и не слишком тактичные вопросы. Время от времени на кровати Рэйчел появлялись листовки о контрацепции. Так что она умела ценить личное пространство.

К её облегчению, Грэйс улыбнулась. Возможно, она была просто застенчива.

– Никогда много не ела. Боюсь, я слишком разборчива. У меня с собой хороший запас шоколада, не волнуйтесь. Крепка, как веточка.

Это выражение Рэйчел последний раз слышала в детстве и только от пожилых людей.

Грэйс в самом деле выглядела крепкой. Каждый день она проходила целые мили по берегу реки и приходила в коттедж в сумерках без всяких признаков усталости. Иногда Рэйчел видела, как она идёт по равнине от ручья Скёрл, шагая так ровно, что казалось, летит, бледная во мраке, словно одна из короткоухих сов, которые охотились в низинах у фермы.

Питер Кемп появился в коттедже Бейкиз за день до похорон Беллы. Рэйчел встала в четыре, в пять была уже на холмах и только пришла. Она завтракала, пытаясь согреться. За ночь на вершинах появилась свежая россыпь снега. Сейчас было солнечно, но на последнем участке исследования подул порывистый ветер. Если бы Рэйчел начинала в таких условиях, её бы это не беспокоило. Грэйс была на реке в усадьбе Холм-Парк. Энн на кухне наполняла фляжку, почти готовая выйти. Она первой услышала машину, выбежала посмотреть, кто приехал, и позвала Рэйчел:

– Боже всемогущий! Иди сюда, взгляни на это!

Вставать со стула, оставлять позади огонь и свой тост – последнее, чего хотелось Рэйчел, но Энн не всегда была так дружелюбно настроена. Было бы грубостью проигнорировать просьбу. Она взяла свой кофе и встала в носках в дверях кухни. Это был Питер, приехавший на новеньком «Ренджровере» с неброским логотипом «Питер Кемп и партнёры» на пассажирской дверце. Рэйчел раньше не видела этой машины, даже не знала, что такая покупка планировалась, но ничего не сказала. Энн не была так сдержанна.

– Так вот почему вы платите внештатным сотрудникам гроши, – подколола она его, но в её словах была доля серьёзности. Энн всегда казалось, что ей недоплачивают. – Мы приносим в жертву наш прожиточный минимум, чтобы босс мог рассекать на «Ренджровере».

Питер не обиделся, только хищно осклабился. Рэйчел повернулась, чтобы вернуться в дом.

– Всё, чтобы обнадёжить заказчиков, – услышала она. – Ты женщина умная и должна понять.

В его голосе слышались нотки флирта. Рэйчел знала, что за Энн закрепились репутация девушки, неразборчивой в связях, и задумалась, не было ли у них интрижки когда-то, возможно, несмотря на Амелию, даже сейчас.

– Что ж, я лишь раб зарплаты, – ответила Энн, – лучше продолжу работать. Не хотелось бы оказаться на улице.

– Даже не думай об этом, красотка, – легко парировал он. – Ты лучший специалист по ботанике в стране.

Если Энн и ответила на это, Рэйчел не расслышала. Питер зашёл в гостиную, встал спиной к огню, загораживая ей тепло.

– Не собираешься в поле? – спросил он.

– Уже была. Нет смысла проводить подсчёт так поздно днём. Тебе ли не знать. Ты написал пособие.

Он посмотрел на неё так, словно не понял намёка. Иногда Питер заставлял её поверить, что она выдумала своё участие в разработке методики Кемпа, что она сходит с ума. Он сел на соседний стул.

– Слышал о Белле, – сказал он. – Мне жаль. Я поэтому приехал. Узнать, как ты.

– Я в порядке.

– Нет, в самом деле. Я знаю, как вы были близки.

– Правда. Это стало потрясением, но сейчас я в порядке.

– Есть предположения, почему она это сделала?

– Никаких.

– Наверное, ты не знаешь, что станет с фермой?

– Даги точно не сможет ею управлять. Если Невилл не возьмёт это на себя, наверное, продадут. Даги переехал в дом престарелых. На это нужны деньги.

– Что там сейчас творится? Овцы, наверное, ягнятся.

– Джофф Бек из Ленгхолма присматривает за ними. Думаю, Невилл договорился. Это было похоже на допрос больше, чем беседа с тем молодым полицейским.

– Невилл Фёрнесс. Он приезжал?

– Нет, пришлось общаться с ним по телефону. Он организывает похороны.

– Ты знаешь, что он работает на «Карьеры Слейтбёрн»?

– Слышала.

Он вновь повеселел, улыбнулся ей.

– Какие у меня шансы на кофе?

Рэйчел сделала ему кофе, но еды не предложила. Они совершали вылазки в Киммерстон, чтобы запастись продуктами, и она не видела причин делиться с ним своими порциями. Раньше, когда они вместе жили в Бейкиз и Питер ещё работал на фонд, он покупал вкусности – свежий хрустящий хлеб из пекарни в Слейтбёрне, паштет и сыр бри из гастрономии в Киммерстоне, испанскую клубнику из супермаркета, хотя им обоим было известно, как истощена земля Коста Даньяны, где её выращивали, и, имея они хоть каплю совести, отказались бы от лакомства. Сегодня он появился с пустыми руками, и Рэйчел против воли почувствовала себя обманутой.

– А как проект? – спросил он. – Всё хорошо?

– Пока всё хорошо.

– Энн, разумеется, железная леди, а Грэйс только обустроивается на новом месте? Слышал о ней потрясающие отзывы.

– Она уж точно знает своё дело.

У Рэйчел не было ни малейшего желания обсуждать с Питером здоровье Грэйс или её душевное состояние. У неё вошло в привычку выдавать как можно меньше информации. Кроме того, обсуждать проблемы Энн и Грэйс значило бы сплетничать.

– Так мы укладываемся в график?

– Мы опережаем график. Повезло с погодой.

– Отлично. Это отлично.

И всё-таки Питеру не хотелось уходить. Он сидел на обшарпанном стуле, который бы смотрелся подходяще в студенческой комнате и которому точно не нашлось бы места в их с Амелией квартире, и сжимал пустую чашку из-под кофе. Рэйчел поняла, что ему хотелось поговорить с ней. Готовился сделать признание или открыть секрет, возможно, даже извиниться. Ей не хотелось слушать, что он скажет. Только не про его жену, работу или романы.

– Ты придёшь на похороны? – спросила она резко.

– Не знаю. Не думал.

– Подумай. Белла многое сделала для фирмы.

– Что ж, тогда, возможно, я приду.

– Если у тебя есть вопросы о ферме, можешь задать их Невиллу.

– Хорошо. – Но в нём всё ещё ощущалась неуверенность.

– Слушай, – сказала она. – Я вымоталась. Мне не мешало бы поспать пару часов перед тем, как снова пойти на холмы вечером. – Впрочем, она уже знала, что ветер слишком силен.

– Разумеется. Мне всё равно пора. Встреча с «Природой Англии»². Возможно, новая работа. Отличные новости, правда?

В ответ она встала, показывая ему – она ждет, что он немедленно уйдёт. Питер оставил куртку на кухне, кинул её на скамью, когда вошёл. Его ботинки стояли на пороге. Он завязал шнурки, затем надел куртку, поднял воротник. Рэйчел не стала надевать верхнюю одежду, а встала в дверях, провожая его. Подойдя к «Ренджроверу», он обернулся к ней и грустно махнул рукой.

Машина медленно тронулась, и вдруг она бросилась за ней и начала барабанить по дверце с логотипом, выкрикивая его имя. Даже сквозь тёплые носки земля двора холодила ноги. Питер затормозил и с готовностью выглянул из окна. Может быть, решил, что всё-таки сможет поделиться с ней своими мыслями.

– Хочу кое-что спросить.

– Конечно, что угодно.

– Ты приходил к Белле в день её смерти?

Мгновение Питер поражённо молчал. Казалось, он не в силах говорить, но, возможно, просто ожидал другого вопроса.

– Нет, – сказал он наконец. – А должен был? Это твой проект.

– Ты поднимался на холмы?

– Нет. Почему ты спрашиваешь?

Она покачала головой и отступила от «Ренджровера». Питер подождал в нерешительности и наконец уехал прочь.

Рэйчел была убеждена, что он солгал. Что-то вспыхнуло в памяти, когда он встал у машины и повернулся помахать ей. Что-то в его позе и очертаниях куртки с поднятым воротником. Это Питера она видела в свете фар, когда ехала через переправу Блэклоу в ночь самоубийства Беллы. И он соврал.

Глава седьмая

Останки Беллы сожгли в большом крематории в Киммерстоне. Рэйчел почему-то представлялось, что Беллу похоронят на церковном дворе в Ленгхолме, который был по сути ещё одним куском земли для пахоты и пастбищ, где по другую сторону низкой каменной стены паслись овцы и вдалеке виднелся утёс Фэбёрн. Если бы её похоронили, у Рэйчел хотя бы была могила, на которую можно прийти. Но Невилл и Даги – если у Даги вообще было право голоса, в чём она сомневалась, – остановили свой выбор на кремации. Звучал органнй Вивальди, службу вёл викарий, который, кажется, вовсе ничего не знал о Белле.

В день похорон Грэйс осталась в Бейкиз, хотя Рэйчел предлагала подбросить её до города.

– Я не говорю, что тебе нужно быть в крематории. Зачем? Вы с Беллой даже не виделись никогда. Но тебе положен отдых. Съешь ланч, поройся в книжных. Потом можем встретиться и пообедать...

Но Грэйс отклонила предложение.

– Я знаю, что нельзя идти в горы без подстраховки, но у меня много работы. Я хочу сказать, это отличная возможность пересмотреть материал, который я собрала к этому моменту. – Она покраснела и замолчала. – И потом, ко мне может прийти друг. Возможно, останется на ночь. Вы ведь не против?

² «Природа Англии» (*англ.* English Nature) – государственный орган в Англии, существовавший с 1990 по 2006 год, который занимался охраной дикой природы.

– О нет, конечно! – Рэйчел была рада, что есть кто-то ещё, что она не единственная ответственна за благополучие Грэйс. – Если у тебя есть компания, мы не будем торопиться назад.

Хоть Рэйчел и не хотелось в этом признаваться, но ей вовсе не улыбалось ехать в Киммерстон с Грэйс, чьё рассеянное молчание убивало любую беседу рядом с ней. Энн Прис могла раздражать или быть слишком самоуверенной, но, по крайней мере, она была нормальной. При этой мысли Рэйчел ощутила укол совести. Она услышала в голове голос Эдди: «Какое право ты имеешь судить? И вообще – что такое норма?»

Они рано приехали в крематорий – Рэйчел не умела опаздывать – и недолго ждали снаружи, не зная, как проходит процедура. Всё ещё дул порывистый ветер, который нагонял облака на солнце и гнул умирающие нарциссы, посаженные вдоль внешней стены. Рэйчел была в крематории прошлой осенью. В «Саду отдыха» появилась редкая птица, светлобрюхая пеночка. Любители птиц со всей со всей страны заявили в сад. Они прибыли со своими телескопами и штативами, смешались со скорбящими родственниками и взбешёнными распорядителями похорон. Позже Рэйчел описывала эту сцену Белле, и та смеялась. Ей вспомнилась Белла, стоящая на кухне в Блэклоу с чайником в чехле в пятнах от заварки и смеющаяся так, что чай расплескался по столу, и впервые на глаза навернулись слёзы.

В часовне Рэйчел села поближе к проходу, чтобы лучше видеть скорбящих. Церковь была почти пустой. Приехала Эдди и протиснулась поближе к ней, дотронулась до руки. Рэйчел физически ощутила сочувствие. Словно кто-то толкнул в очереди, придвинул лицо слишком близко к её лицу, требуя ответа. Ей захотелось оттолкнуть мать. Рэйчел подумала: «Не нужно было ехать к ней, просить о помощи».

Энн узнала в присутствовавших на церемонии пару человек из Ленгхолма. Она называла их шёпотом: начальница почты с мужем, молодая пара фермеров из Вендилоу, арендаторы земли при усадьбе. Питер сидел в заднем ряду вместе с Амелией, очень нарядный в своём дорогом костюме, который обычно надевал, чтоб впечатлить потенциальных клиентов. Будь в часовне побольше людей, Рэйчел бы жалела, что Амелия пришла. Она точно никогда не встречалась с Беллой и, кажется, явилась сюда без большой охоты, хоть и приделась, как муж. Она сидела чуть поодаль от Питера и необычайно сосредоточенно разглядывала свои безупречной формы ногти. Впрочем, сейчас Рэйчел была рада, что почтить уход Беллы пришлось на одного человека больше.

– Бог мой! – У Энн невольно вырвалось восклицание, когда в часовню вошла средних лет пара. Женщина держалась за руку мужчины. Они казались приятными, обычными. Рэйчел понадеялась, что хоть они родственники Беллы или её друзья из прошлого. – Кто это?

– Всего лишь Годфри Во с женой. Какого чёрта они здесь делают? Каков наглец.

Годфри Во был директором «Карьеров Слейтбёрн», движущей силой, стоявшей за событиями в Блэклоу, причиной, по которой Энн, Грэйс и Рэйчел оказались в Бейкиз. По которой они проводили подсчёты на холмах. Он казался слишком мягким и спокойным, чтобы вызвать такие потрясения.

Рэйчел была разочарована, ощутила странное желание вступить за него.

– Они живут в Слейтбёрне, так ведь? Думаю, они почти соседи.

Однако Энн всё ещё кипела от злости.

– А по-моему, это чистой воды хамство.

Рэйчел подумала, что выразила бы свои мысли более сдержанно, но ей пришлось замолчать – начиналась церемония.

Даги прибыл в инвалидном кресле, которое толкал Невилл. По мнению Рэйчел, он был уже не так аккуратно наряжен, как хотелось бы Белле. На Даги был его лучший костюм, но воротник рубашки выглядел мятым. Тот, кто его сегодня брил, пропустил небольшой кусочек на щеке. Ботинкам не помешало бы немного крема для обуви. Невилл, напротив, был одет без-

упречно. Он был невысоким и мускулистым, с иссиня-чёрными, цвета воронова крыла, волосами и густой чёрной бородой. Рубашка казалась потрясающе белой на фоне его смуглой кожи, ботинки блестящие.

Викарий уже начал свою речь, когда входная дверь вновь хлопнула. Рэйчел вспомнилось плохое старое английское кино, хотя комедия это или триллер, она бы не смогла ответить. Викарий замолчал на середине предложения, и все обернулись. Даже Даги попытался повернуть голову в нужном направлении.

Это была женщина лет пятидесяти. Первое впечатление – попрошайка, забредшая с улицы. Большая кожаная сумка через плечо, в руке пакет из супермаркета. Лицо серое, покрытое пятнами. На женщине была юбка до колен и длинная кофта с растянутыми карманами. Ноги голые. Однако она вела себя с такой уверенностью и апломбом, что все они поверили в её право находиться здесь. Она села, склонила голову, будто в личной молитве, затем посмотрела прямо на викария, будто разрешая ему продолжать.

Невилл забронировал комнату в отеле «Белый олень» и после церемонии пригласил всех на ланч. Энн извинилась, что не сможет присутствовать, и после, когда никто не мог подслушать, озорно улыбнулась Рэйчел и сказала:

– Ты ведь не против, верно? У меня есть дела получше в свободный день, чем стоять в «Белом олене» и грызть сэндвичи с яйцом, стараясь не упоминать, что Белла покончила с собой. Я хочу сказать, это же её выбор? Мне тяжело ей сочувствовать. Знаю, вы дружили, но факт остаётся фактом.

Рэйчел пришло в голову, что у Энн свидание. Её сексуальный аппетит был притчей во языцех, а маленькое чёрное платье и пиджак могли подойти как для небольшого ужина, так и для продуваемого сквозняками крематория. Рэйчел видела, что ей не терпится уйти с тех пор, как они вышли на улицу.

– Где тебя встретить? – спросила она.

Энн заколебалась.

– Слушай, я ещё не знаю, какие у меня планы. Мечтаю провести ночь в своей кровати. Завтра первым делом попрошу Джереми подкинуть меня в Бейкиз.

Рэйчел потребовалось немного времени, чтобы вспомнить: Джереми – многострадальный муж Энн.

Гостей в «Белом олене» было ещё меньше, чем в крематории. Годфри Во пробыл недолго. У него был короткий напряжённый разговор с Невиллом, связанный, как показалось Рэйчел, скорее с работой, чем с Беллой. Его жена не пришла вовсе.

Фуршет был накрыт на столе у стены: толстые ломти отварной ветчины и говядины, миски с салатом, кусочки сваренных вкрутую яиц, металлические миски из-под мороженого с жидкой заправкой для салата, которая уже частично свернулась. Друзья Беллы с окрестных ферм с жадностью набросились на еду. На столе стояли стаканы шерри и виски величиной с напёрсток, но мужчины наведались в бар и вернулись с пинтами пива. Невилл ходил в школу с их сыновьями и дочерьми, но они общались с ним без теплоты, которой ожидала Рэйчел. Эдди, напротив, легко лавировала между ними, прислушиваясь к разговорам, болтая, расспрашивая о детях, которые были её учениками в колледже.

Наконец появились Питер и Амелия. Между ними чувствовалась напряжённость, и Рэйчел решила, что они поссорились в машине. Амелия демонстративно игнорировала еду, затем удалилась в дамскую комнату.

– Видишь, – сказал Питер. – Я пришёл. Ты знаешь, что я всегда поступаю, как ты советуешь.

«Боже, – подумала Рэйчел, – неужели когда-то это меня цепляло?»

Его взгляд был направлен за её плечо, и она поняла, что Питер проверяет, не подслушивают ли их.

– Почему ты решила, что я был у Беллы в день, когда она умерла?

– Так, глупая ошибка.

Он давил, но Рэйчел больше ничего не сказала. Под конец он, казалось, остался удовлетворён её ответом.

Некрасивой женщины с сумками не было видно. Рэйчел задержалась в отеле дольше, чем сделала бы в другой ситуации, надеясь, что незнакомка вновь эффектно появится самой последней, как это было в крематории. Она поспрашивала, но никто эту женщину не знал. Затем Рэйчел поняла, что Даги тоже нет, и решила, что, возможно, это его родственница и она сейчас с ним.

Она уже собиралась найти Эдди, чтобы уйти, когда её тронули за плечо. Рэйчел резко обернулась и увидела Невилла, стоявшего так близко, что она могла видеть прядь седых волос в его бороде, ощутить запах мыла, которым он пользовался.

– Рад, что вы смогли прийти, – сказал он. – Вы ведь Рэйчел? Я не был уверен, что вам захочется присутствовать. Не после...

Она быстро прервала его, не потому, что он выказал хоть каплю неловкости, но потому, что она должна была это сказать:

– Я не могла пропустить похороны. Мы с Беллой были большими друзьями.

– Она говорила о вас.

– Правда? – Рэйчел была удивлена. Она не подозревала, что Невилл и Белла много общались.

– О да. – Поскольку для мужчины он был невысок, она смотрела ему почти прямо в глаза. – Вы разговаривали накануне?

– Нет.

– А я думал, у вас могут быть предположения, из-за чего она...

– Нет.

– Знаете, мне она нравилась. Я был очень молод, когда мама умерла. Был рад, когда отец нашёл кого-то ещё. Радовался за них.

– Разумеется. – Белла никогда особенно не говорила о нем, но сейчас не стоило ему этого сообщать. – Как ваш отец?

Впервые он, казалось, растерялся.

– Как кто-то может знать наверняка?

– Белла вроде всегда знала.

– Да? Я думал, это самообман. То, как она это приняла. Я не могу, понимаете. Принять это. Просто не могу. Вот почему я так редко навещал его в последнее время.

– Его привезёт кто-то из дома престарелых?

Она надеялась, что он назовёт имя той женщины с сумками, но Невилл резко ответил:

– Он не придёт сюда. Уехал прямо в Розмаунт. Говорят, ему лучше соблюдать режим.

– Ясно. – Рэйчел ожидала, что Невилл хотя бы спросил Даги, хочет ли тот, чтобы его отвезли сразу домой. Даги всегда любил вечеринки, даже после болезни. У них была небольшая вечеринка в Бейкиз после того, как её проект был завершён. Там были Питер и остальные студенты. Один из мальчиков принёс скрипку. Белла укутала Даги и прикатила его на инвалидной коляске по дороге к коттеджу. Рэйчел вспомнилось, как он смотрел на танцы: глаза блестят, здоровая рука отбивает ритм скрипичной музыки.

Глава восьмая

Рэйчел и Эдди стояли у отеля «Белый олень». Рэйчел ненадолго отвлеклась на чёрную машину, которая проехала мимо них по улице. Ей показалось, что она узнала Энн Прис, сидевшую на пассажирском сиденье, но водителя не разглядела.

– Пошли домой, поешь нормально, – сказала Эдди. – Я приготовила суп. Решила, что это тебя подбодрит.

– Настоящая мамочка.

– Могу, – важно ответила Эдди, – если захочу.

Они съели суп на кухне на Риверсайд Террас.

– Ну? – спросила Эдди. – Что ты извлекла из этого? – Рэйчел представила, как она задаёт тот же вопрос своей группе по театроведению после поездки в Королевский театр в Ньюкасле. Они отвечают ей такой же неловкой тишиной, как и Рэйчел сейчас, не желая связываться, предпочитая что-то менее абстрактное.

– Я не знаю.

– Думай! – Эдди, подумала Рэйчел, всегда была и остаётся учительницей. – Я имею в виду, что это нам даёт?

– Ничего, – растерянно сказала Рэйчел. – Совсем ничего.

– Конечно, даёт. Разве не странно, что там не было никого из её прошлого? Ни старых школьных друзей, ни кузенов.

– Была женщина с сумками.

– Насчёт неё не уверена. Если она и правда пришла на похороны, почему никому не представилась?

– Тогда, возможно, Белла не местная. «Газетт» есть только в Киммерстоне и окрестных деревнях.

– Тогда это что-то нам говорит, верно?

– Не много.

– Во время этих бесед она должна была упомянуть, чем занималась до того, как приехала на ферму присматривать за матерью Даги.

– Не уверена. – Если задуматься, все их разговоры были односторонними. Рэйчел рассказывала о своём детстве, о том, каково, когда тебя растит такая современная мать, как Эдди, о своей обиде на то, что не знакома с отцом. Белла слушала, комментировала, но редко припоминала в диалоге что-то из собственного опыта.

– Неужели это не кажется тебе странным? – сказала Эдди. – Я имею в виду, не предполагает ли это, что ей было что скрывать?

– Вовсе нет, – резко возразила Рэйчел. – Не всем хочется обсуждать травмы из детства с женщиной, которая стоит за тобой в очереди в супермаркете.

Эдди проигнорировала оскорбление.

– Но большинство выдаёт какую-то информацию о семье, о том, где мы ходили в школу, кем работали...

– Думаю, она могла учиться в сельскохозяйственном колледже, – сказала Рэйчел, – изучать садоводство. Или, может, её родители держали огород и продавали овощи. Она разбиралась в садоводстве, но оно ей не нравилось. Говорила, у неё в юности отбило желание. Вот почему она никогда не интересовалась выращиванием овощей в Блэклоу. Я решила, что это из-за ветра или заморозков, но она ответила, что ей в удовольствие купить себе овощей в супермаркете.

– Маловато информации.

– Извини. Она ценила личное пространство. Возможно, тебе этого не понять.

– Уж это мне очень хорошо понятно. – И вновь между ними, хотя никто о нём не упоминал, встал отец Рэйчел. – Она была замужем до этого?

– Нет.

– Почему ты так уверена?

– Она называла Даги своей единственной настоящей любовью.

– Это ещё ничего не значит. Люди иногда выходят замуж не по любви.

– Белла не стала бы.

– Фу! Какая у неё девичья фамилия? Наверное, это ты знаешь.

– Дэвидсон.

– А Белла? Это сокращение от Изабеллы? Есть ли второе имя? Так я смогу посмотреть в архивах.

– Она подписывалась И. Р. Фёрнесс. Не знаю, что значит «Р».

– Но мы считаем, что она родилась не здесь.

– У неё был здешний акцент, – неуверенно сказала Рэйчел. – Но у меня сложилось впечатление, что она уезжала на какое-то время. Возможно, тогда и растеряла связи с людьми.

– Как она получила работу в Блэклоу? Через центр занятости?

– Нет. Даги поместил объявление в «Газетт». Она мне об этом рассказывала. Как увидела объявление и внезапно позвонила ему. Белла говорила, что очень нуждалась в работе, иначе у неё бы не хватило мужества. Он встретил её на автобусной остановке и привёз на ферму. Предполагалось, что это будет собеседование, но кончилось тем, что они стали дружелюбно общаться. Я спрашивала Беллу, не чувствовала ли она, что рискует, отправляясь на машине с абсолютно незнакомым человеком неизвестно куда. Она ответила, что уже видела его. – Рэйчел посмотрела на мать. – Знаю. Фу. Очень романтично. Но из-за этого я и решила, что раньше у неё не было серьёзных отношений. Она не успела стать циничной.

– Разве Даги не спрашивал рекомендации?

– У меня и мысли такой не возникало. Если Белла ему понравилась, ему бы это и в голову не пришло.

– Когда это произошло?

– Семь лет назад. Старушка умерла два года спустя. Вскоре они поженились. Быстро. Загс. Никакой шумихи. Это было решение Беллы. Думаю, Даги предпочёл бы побольше веселья.

– Зачем было ждать, пока умрёт мать Даги?

– Откуда мне знать? – Ответ получился раздражённым вскриком. Рэйчел устала от разговоров. – Слушай, мне надо возвращаться. – Она подумала, что ещё может успеть с вечерним подсчётом до сумерек, представила холм в последних лучах солнца, пение жаворонков.

– Это обязательно?

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты права. Не тебе нужно задавать все эти вопросы. Нужно поговорить с Даги.

– У Грэйс гостит приятель. Думаю, могу отложить дела на утро. – Рэйчел услышала неохоту в собственном голосе. Она предпочла бы быть на холме.

– Если не хочешь, чтобы я ехала, могу помочь тебе добраться до Роузмаунта.

– Мама! – Рэйчел хлопнула ладонью по столу. – Хватит быть такой чертовски понимающей. – Затем, после паузы: – Не глупи. Конечно, я хочу, чтоб ты поехала.

Даги уже был готов ко сну. На нём была пижама в полосочку, словно старомодная тюремная форма, с красным штампом «Розмаунтского частного дома престарелых», лёгкий махровый халат, коричневые тапочки в клетку. Тапочки были перепутаны. У него была своя комната, вполне приятная, с видом на сад, хотя с видом из окон в Блэклоу он не шёл ни в какое сравнение. Было очень жарко. Даги взмок. Рэйчел стянула свитер, как только вошла в здание.

Снаружи, из коридора, доносился постоянный шум – лязг колясок, споры персонала о ваннах и судах и о том, что случилось с таблетками миссис Прайс, растерянные и подавленные голоса пациентов.

Когда они приехали, Даги смотрел портативный телевизор, стоявший на комод из пластика, выкрашенного под сосну. Звук был таким тихим, что Рэйчел почти ничего не слышала. Даги, казалось, загипнотизировали размытые мелькающие картинки.

Рэйчел поняла, что здесь он считается слабоумным, и разозлилась, подумав о том, что им мог сказать Невилл. И всё же когда они вошли, стало ясно, что Даги узнал её. Сестру, которая ввела их в комнату, явно поразила быстрая кривая улыбка и похлопывание здоровой рукой по стулу – знак того, что Рэйчел нужно подойти поближе.

– У вас посетители, мистер Фёрнесс, – выкрикнула она, словно Даги нарочно её не слушал, и Рэйчел предположила, что это первый раз, когда сестра обратилась к нему напрямую.

Рэйчел присела на корточки рядом с ним, накрыла его руку своей.

– О, Даги, – сказала она. – Мне так жаль.

Сестра глянула на часы, пробормотала Эдди что-то вроде: «Буду у себя, если потребуется» – и вышла.

Это был странный разговор, полный столь же напряжённого внимания, как и сеансы психотерапии от Эдди. Даги общался кивками, мычанием, пожатием руки, но они понимали друг друга. Иногда их отвлекали доносившиеся из коридора шаги мягких туфель по начищенному линолеуму, скрип, пронзительный, как крысиный писк в амбаре, подумала Рэйчел, но они быстро возвращались к делу. Выводы сводились к тому, что Белла покончила с собой, и они не понимали почему.

– Я хочу разобраться, – сказала Рэйчел. – Ты не против? Возможно, тебе бы хотелось, чтоб её оставили в покое.

Даги показал, что не желал бы ничего подобного.

– Я хочу осмотреть дом.

Он отвернулся от неё и снова уставился в телевизор. Сперва Рэйчел решила, что обидела его, но он ещё сильнее сжал её пальцы. Это Эдди проследила за его взглядом, направилась к комоду и вернулась со связкой ключей.

– Даги, это ключи от Блэклоу?

Но Рэйчел уже узнала их. Они висели на кухне на крючке для чашек между кружкой Даги с логотипом «Ньюкасл Юнайтед» и огромной жёлто-зелёной кружкой, из которой Белла пила кофе.

– Мне надо сказать Невиллу, что я пойду в дом?

Она взглянула на Даги, ожидая ответа, но он уже потерял концентрацию. В коридоре снова поднялся небольшой переполох. Высоким, тонким голосом кричала женщина:

– Уйдите, не трогайте меня. У вас мокрые руки! – Раздались торопливые шаги, успокаивающие голоса, но Даги, казалось, не слышал.

Рэйчел, всё ещё сидя на корточках, повернулась, чтобы говорить почти ему в ухо, заставляя обратить на себя внимание, как ребёнок, шепчущий секреты:

– Скажи мне, Даги, ты помнишь день смерти Беллы?

Он продолжал глядеть на мерцающие картинки в телевизоре, но она почувствовала, что он вспоминает. Что он видел? Беллу, склонившуюся над его кроватью? Беллу, которая прихрамивается, готовясь к смерти?

– Кто-нибудь приходил в Блэклоу в тот день? Наверное, ты слышал, как приехала я. Я въехала во двор, как раз когда начало темнеть. Собаки залаяли. А до этого кто-нибудь приходил?

Казалось, он ушёл в свои мысли.

– Кто-то был там до меня, Даги?

Она видела, что он делает над собой усилие, старается вспомнить. Он кивнул.

– В доме?

Он снова кивнул.

– Ты видел этого человека? Знаешь, кто это был? Или слышал голос, который сможешь узнать?

Даги медленно покачал головой.

Глава девятая

За ночь ветер утих. В низинах и под сухими каменными стенами лежал иней. Дым от трубы Бейкиз поднимался прямо к небу.

Грэйс делала тост на кухне. Она держала крошечную сковородку-гриль близко к огоньку газа – иначе можно было ждать часами. Она была одна.

– Твой друг приходил? – спросила Рэйчел. Запах поджаренного хлеба разбудил в ней голод. Она специально ушла до того, как Эдди встала.

– Вчера в обед.

– Оставался на ночь?

Грэйс покачала головой, не просто отвечая на вопрос, но показывая, что больше информации не последует.

– Как похороны? – спросила она. Она положила тост на тарелку, намазала тонким слоем маргарина, разрежала пополам и предложила кусок Рэйчел. Рэйчел взяла тост, добавила джема.

– Ну, сама понимаешь.

– Я, кажется, никогда не была на похоронах, – сказала Грэйс. Рэйчел решила, что это странный способ сформулировать мысль. Такое не забывается. Затем дверь отворилась, и вошла Энн со здоровым ярким румянцем на щеках, словно ребёнок, который врывается в дом после уличных игр с друзьями и требует чаю.

– Я не слышала машины, – заметила Рэйчел.

– Да, Джем подбросил меня к концу дороги. Я подумала, что сегодня отличное утро для прогулки.

– Я приехала недавно. Наверное, мы разминулись.

На лице у Энн появилась улыбка, и Рэйчел подумала, что в конце дороги её высадил не Джереми, а один из любовников, с которым она провела ночь.

– Ты завтракала? – спросила Грэйс. Она отрезала от буханки ещё ломоть и положила под гриль. Рэйчел раньше никогда не видела, чтобы та готовила еду по своей инициативе.

– Нет, – ответила Энн. – Времени не было.

Такой самоуверенный человек, подумалось Рэйчел, просто напрашивается на сплетни. Она дождалась, когда Энн и Грэйс уйдут на холмы, и отправилась в дом на ферме. Ей не хотелось объяснять, что она задумала. Они могли посчитать её болезненно впечатлительной.

В доме было две двери. Одна, которой всегда пользовалась Рэйчел, вела прямо со двора в кухню. Дверь была современной, из твёрдой древесины, с двойным остеклением и обычно заперта на два оборота. Даги купил дверь, когда обновлял кухню для Беллы. Это был сюрприз, что-то вроде свадебного подарка, который символизировал начало чего-то нового. Во времена матери Даги кухня была маленькой, тёмной и продуваемой сквозняками и вела в подтекающую прачечную с двухкамерной стиральной машиной и прессом для отжимания белья. Белла иногда жаловалась на стиральную машину. Это было ещё до Рэйчел, но та слышала эту историю:

– Тогда нужно было каждый день стирать простыни. Айви сама не могла. Я накачала мускулы, как у тяжелоатлета, пока загружала их, мокрые, в барабан машины. Бедняжка. Мне бы не хотелось так кончить.

После свадьбы Белла уехала на несколько дней – теперь Рэйчел было интересно, куда та могла отправиться, – и, вернувшись, обнаружила новую кухню. Кажется, она показала Даги фото в журнале, сказав, как это здорово, и он всё точно скопировал. Его мать оставила ему немного акций, и он спустил их на это.

Больше всего Беллу порадовала стиральная машина, хотя как-то раз она сказала Рэйчел с усмешкой, что та была бы полезней, когда старая леди была ещё жива и кровать нужно было перестилать каждый день.

Кухня была чище, чем Рэйчел когда-либо видела. Белла явно вымыла полы прямо перед смертью. Цветы на подоконнике давно нужно было полить, но она никогда не уделяла им особого внимания. В ящиках и шкафах не было ничего, что могло быть дано ключ к прошлому Беллы.

Рэйчел перешла в маленькую гостиную, где миссис Фёрнесс сидела вечерами перед сном. С тех пор почти ничего не изменилось. В комнате было пианино, небольшие столики из тёмного дерева с вязаными дорожками, цветные вышивки в рамках, лампа с абажуром с бахромой. Были фотографии Даги с первой женой и маленьким Невиллом. В своё время Айви Фёрнесс, должно быть, была крепкой и активной женщиной. Первая жена Даги умерла внезапно, от кровоизлияния в мозг, когда мальчику было два года, и Айви взяла на себя заботу о семье. Рэйчел пришлось в голову, что Невилл, должно быть, считал её почти матерью. Возможно, она ему была ближе, чем Даги. Наверное, он навещал её чаще, чем отца? Интересно было бы узнать.

Первая жена Даги была красавицей, от неё Невилл унаследовал чёрные волосы, смуглую кожу, выразительные глаза. Белла иногда говорила о ней, без ревности.

– Она была совсем девочка, когда они познакомились, немного диковатая – все так считали. Посмотри на фотографию. Ты поймёшь, почему он в неё влюбился.

Она была с юга Англии, ещё училась в школе искусств и приехала навестить местных родственников. Он наткнулся на неё на холме. Она рисовала рудник. Законченная картина всё ещё висела в гостиной, на почётном месте над каминной полкой.

– Тебя это не смущает? – однажды спросила Рэйчел.

– Нет, конечно. У нас обоих есть свой багаж. – Но её история никогда не обсуждалась, а маленькая гостиная Айви Фёрнесс не раскрывала ни один из секретов, как и большая гостиная с видом на холмы и огромная картина с рудником, постоянное напоминание о первой любви Даги.

Были разговоры о том, не превратить ли маленькую гостиную Айви в спальню Даги, когда его выписали из больницы, но, как сказала Белла, ванная наверху, а в кухонной раковине она едва ли сможет его вымыть. В конце концов социальная служба поставила лестничный подъёмник, так что они смогли остаться в спальне, которую делили ещё со свадьбы, а может, и до неё. Белла никогда не была из тех, кто беспокоится об условностях.

Кто-то был в комнате с ночи смерти Беллы, забрал костюм Даги для похорон. Может быть, Невилл заходил, когда они были на холме. Рэйчел не слышала машины. Но он забрал одежду и уехал. В комнате пахло дезинфицирующим средством и духами Беллы. Рэйчел осмотрела всё так же тщательно, как и в других местах, но не ожидала что-то обнаружить. Пожелай Белла хранить тайну от Даги, эта комната стала бы последним местом, на которое мог пасть её выбор.

В комнате, которую они называли комнатой Невилла, комнате, где она отсыпалась после виски Даги, не было ничего, кроме односпальной кровати и шкафа. В комнате Рэйчел у Эдди всё ещё было полно школьного хлама. Даже купи она собственную квартиру, подумала Рэйчел, это всё равно будет её комната, с выбранными ею занавесками, с раскрашенными ею трафаретами на стене. Эта же была безликой. Не осталось ничего, принадлежащего Невиллу.

Оставалась третья спальня, в которой Рэйчел никогда раньше не была. Она располагалась в двух шагах от лестничной площадки, в задней части дома. Комната была маленькой, с покрашенным потолком и большим шкафом, где стоял водонагреватель. Узкая тахта была накрыта кремовым лоскутным одеялом, всё ещё немного смятым, будто кто-то на нём сидел. У тахты стоял стол, похожий на школьную парту, с откидной крышкой и чернильницей. Хотя поверхность отшлифовали и покрыли красным лаком, на ней всё ещё были видны нацарапанные надписи.

В столе обнаружилась инкрустированная перламутром деревянная коробка. Когда-то Белла, наверное, прятала её более тщательно, но после удара Даги такая необходимость отпала. От лестничной площадки вход в комнату отделяло две ступеньки, и это означало, что он сюда никогда не попадет. Рэйчел присела на кровать с коробкой в руках и открыла крышку.

Сперва она ощутила разочарование. Казалось, информация в коробке относится к совершенно другому человеку, Изабелле Роуз Нобл. Там было свидетельство о рождении на это имя, датированное 16 сентября 1942 года, в качестве места рождения был обозначен Киммерстон, Нортумберленд. Затем шёл сертификат об образовании 1963 года. Изабелла Роуз Нобл окончила педагогический колледж в Ньюкасле по специальности преподаватель начальных классов. Рэйчел связала Изабеллу Нобл с Беллой Фёрнесс только после того, как вытряхнула выцветшую газетную вырезку из коричневого конверта. Сперва вырезка ничего ей не сказала. Это была статья о ребёнке, которого унесло вышедшей из берегов рекой. Тело так и не нашли. Однако статья была обрезана на середине предложения, так что она перевернула страницу и прочитала другую её сторону.

Это был взятый из местной газеты некролог, датированный 1970 годом, с двумя колонками текста и фотографией. Смотревший на неё с фотографии мужчина был темноволосым и круглолицым. Его звали Альфред Нобл. Он умер в семьдесят лет, так что фотография мужчины средних лет с багровым лицом, должно быть, была сделана за много лет до его смерти.

Все эти детали Рэйчел отметила потом. Первой её мыслью при взгляде на вырезку было, что это портрет Беллы. То же квадратное лицо, густые тёмные брови. Будь волосы подлиннее и носи Альфред Нобл любимые Беллой массивные золотые серьги, их было бы не отличить друг от друга. Альфред Нобл – отец Беллы? Если да, почему она говорила, что её девичья фамилия Дэвидсон?

Рэйчел прочитала то, что было написано более мелким шрифтом. Альфред Нобл умер при трагических обстоятельствах после долгой болезни. Это была не новость, а некролог. Член совета Нобл верно служил городу Киммерстону тридцать лет, прежде чем сложить с себя полномочия. Из-за проблем со здоровьем он также был вынужден покинуть пост почтмейстера. Похороны состоялись в методистской церкви Киммерстона, старостой которой он был. Его будет не хватать. В некрологе говорилось, что он вдовец, но дети не упоминались. Разумеется, о них бы сообщалось, будь Белла его дочерью, но как ещё можно было объяснить совпадение свидетельства о рождении с датой, соответствовавшей возрасту Беллы, и потрясающее сходство?

Доказательством стала ещё одна фотография, цветная и глянцевая, в парадной картонной рамке. На ней было двенадцать детей в возрасте от пяти до семи лет на школьной детской площадке. Некоторые сидели на деревянной скамье, остальные стояли сзади. Аккуратные девочки с косичками, взъерошенные мальчики с улыбками, которым не хватало зубов. Сбоку, довольно эффектная в своей короткой юбке и вязаном топе, стояла Белла. На обороте косым почерком было выведено: «Начальная школа графства Корбин, 1966. Мисс Нобл с первым классом».

К фотографии ржавой скрепкой было прикреплено написанное от руки письмо. Адресом отправителя значилась начальная школа графства Корбин, близ Вулера, Нортумберленд. Письмо было датировано 1967 годом, и отправитель с сожалением подтверждал уход мисс Нобл: «Я понимаю, Вы думаете, что сейчас это неизбежно в силу семейных обстоятельств, но знайте, Вы сможете вернуться к профессии в будущем».

Письмо было подписано Алисией Дэвидсон.

Когда Белла познакомилась с Даги, её фамилия была Дэвидсон. Возможно, Эдди была права и Белла до этого уже была замужем. За родственником директрисы, на которую работала? Сыном или братом? Теперь, когда появилось больше информации, наверное, это можно выяснить. Почему Белла сохранила брак в секрете?

Последним в коробке было письмо с приглашением для мисс Нобл посетить рождественский концерт в начальной школе Корбина 15 декабря в 7 вечера. Будут сладкие пироги и чай. Значит, на тот момент Белла была ещё не замужем. Указаний на то, посетила ли она концерт или что происходило в промежутке между её увольнением в 1967 году и появлением на автобусной остановке в Ленгхолме в 1989-м, не было.

Рэйчел потребовалось некоторое время, чтобы решить, что делать с этой информацией. Она чувствовала, что коробка и её содержимое принадлежат Блэклоу. Если Невилл хотел порыться в этих вещах, у него была такая возможность, когда он заходил забрать одежду Даги. Однако это была единственная её связь с прошлым Беллы. Наконец она нашла на кухне рекламный проспект в коричневом конверте. Рэйчел поместила бумаги и фотографии между его страницами и вернула в конверт. Она будет хранить его в Бейкиз, пока не представится шанс забрать домой.

Она как раз собиралась уходить, когда зазвонил телефон. Какое-то время она не подходила, но звон продолжался, настойчивый, действующий на нервы. В конце концов Рэйчел сдалась и взяла трубку. Это был рекламный агент, привыкший быть настойчивым в эти непростые времена. Она сказала, не вдаваясь в детали, что Белла покинула ферму. Повесив трубку на середине рекламной болтовни, она позвонила Эдди. Сперва та притворилась уязвленной, поскольку её не позвали участвовать в обыске дома. Затем она обрадовалась. Кажется, она оказалась права насчёт предыдущего замужества Беллы. И будет нетрудно отыскать Алисию Дэвидсон, которая когда-то была директрисой начальной школы Корбина. С контактами-то Эдди в совете графства. Если, конечно, та ещё жива.

Глава десятая

– Ты ведь понимаешь, – сказала Энн, – что она мне хамит.

Они сидели в пабе в Ленгхолме. Это была идея Рэйчел. Всем троим нужно уехать из Бейкиз, немного выпить, расслабиться. Она чувствовала свою ответственность за то, что они не ладят. С похорон в коттедже царило скрытое напряжение, раздражительность, которая выражалась в обычном ворчании, взрывах дурного настроения. Сейчас всё достигло критической точки. Энн предлагала переехать в кладовую в задней части коттеджа. Комната была крошечная, холодная, места для кровати едва хватало. Большая комната с видом на ручей и утёсы была намного приятнее, но контракт предполагал, что Энн делит её с Грэйс. У Рэйчел была маленькая собственная комната. Больше мест не было. В пабе Энн дождалась, пока Грэйс отойдёт к телефону, чтобы сделать своё заявление. По какой-то причине в пабе было очень шумно, много народу. Рэйчел решила, что празднуют какое-то семейное событие – рождение ребёнка или помолвку. Царила атмосфера праздничной истерии. Ей было странно вести такой деликатный разговор, перекидывая шум.

– Я думала, она уже лучше справляется. Она вроде бы повеселела. И по крайней мере что-то ест.

– А ещё она не спит большую часть ночи, бродит.

– Извини. Не знала. Я поговорю с ней.

– Где ты её вообще откопала?

– В прошлом году она работала по договору на друга Питера в Дамфрис. Он говорил, что она великолепна. Настоящая находка.

Энн презрительно фыркнула. Грэйс вернулась, уставилась в пустой бокал, не отвечала, когда Рэйчел обращалась к ней. Они рано ушли из паба.

Вернувшись в коттедж, Энн пошла наверх, чтобы перенести вещи. Они слышали, как она там чем-то гремит. Грэйс прошла к столу в гостиной, который использовала как рабочее место, и сразу же приступила к работе. Рэйчел слышала из кухни, как та нажимает на кнопки

калькулятора. Она вернулась в комнату. День стоял тёплый, и они не стали зажигать огонь. На всём лежал лёгкий слой древесного пепла.

– Не поздновато ли начинать сейчас? – сказала Рэйчел.

Грэйс вздрогнула в испуге, резко обернувшись. Калькулятор со стуком упал на пол. Рэйчел остановилась, чтобы поднять его.

– Думаю, всем нам нужна передышка. После моей поездки в город ещё осталась бутылка вина. Откроем её?

– Почему бы и нет? – Ответ был неестественно громким, нарочито бодрым.

– Пойду принесу. Убери это. Подождёт до завтра. – «Бог мой, – подумала Рэйчел, – я звучу прямо как Эдди, которая уговаривает меня не слишком беспокоиться о выпускных экзаменах». В страсти Грэйс к своему предмету, в её напряжённом стремлении сохранить личное пространство было что-то понятное Рэйчел. Она налила вино в стаканы – только они и пережили сезон студенческого мытья посуды, затем подождала, пока Грэйс усядется в кресло, и передала ей один из них.

– Как идут дела?

– Отлично. – Грэйс сделала большой глоток и настороженно посмотрела поверх стакана.

– Данные соответствуют тому, что ты ожидала увидеть?

– По большей части.

– Я просматривала информацию, которую ты передала на прошлой неделе. Это обычные цифры? – Ожидая ответа, Рэйчел почувствовала до смешного сильное беспокойство.

– Не знаю. Пока слишком маленькая выборка. – Грэйс отвечала буднично, на первый взгляд спокойно.

– Ясно. – Зная, как та раздражается, когда её донимают вопросами о текущей работе, Рэйчел оставила тему, хотя беспокойство никуда не делось. – Энн говорит, ты не очень хорошо спишь.

Грэйс аккуратно поставила стакан рядом с креслом.

– Думаю, Энн не особенно заботит успех проекта, – сказала она серьёзно.

– Что ты имеешь в виду?

Но Грэйс не ответила.

– Ты спишь?

Должно быть, подействовало быстро выпитое вино, потому что сейчас она была почти грубой.

– Столько, сколько мне надо.

– Ты ведь знаешь, что можешь взять пару выходных. Почему бы тебе не съездить домой ненадолго? Ты единственная, кто ещё не отдыхал от этого места.

– Мне не нужен отдых. Я серьёзно отношусь к работе. – Подразумевалось: не так, как Энн Прис. – И потом, у меня особенно нет дома, куда можно было бы вернуться. – Она встала и демонстративно направилась к столу и своему калькулятору.

На следующий день Рэйчел надо было ехать в Киммерстон. Недавно она договорилась о встрече с Питером и представителем рудника Слейтбёрн, чтобы проинформировать их о том, как продвигается проект. Ей не хотелось оставлять Энн и Грэйс вдвоём. Они были похожи на ссорящихся детей, которым был нужен готовый примирить их взрослый, иначе дело дойдёт до драки.

«Пожалуйста, будьте пайнками», – хотелось сказать Рэйчел, когда она отъезжала от коттеджа.

Её удивило, что представителем Слейтбёрна оказался Невилл Фёрнесс. Хотя она приехала рано, он уже был в офисе. Они с Питером увлеченно беседовали. Оба выглядели очень элегантно, очень профессионально в своих костюмах. Рэйчел ожидала неформальной встречи и приехала в одежде, которую надевала для работы на природе. В ходе переговоров не было

принято никаких важных решений, но она, казалось, тянулась бесконечно. У Рэйчел сложилось впечатление, что Питер затягивал объяснение методики, усложняя её больше необходимого, чтобы произвести впечатление. После он попросил её остаться на чай. Снова ей показалось, что он готовится к какому-то признанию, и когда Питер предложил пойти вместе выпить, она настояла на том, что ей пора возвращаться в коттедж. Весь обед Рэйчел переживала из-за двух женщин, которые остались в Бейкиз.

Обратно она возвращалась в сумерках. Дорога теперь была настолько знакомой, что Рэйчел могла ехать быстрее. Она знала, как лучше двигаться, чтобы выхлопная труба не цепляла за колдобины, и как провести машину через переправу, чтобы вода не попала в двигатель. На сухой каменной стене у деревянных ворот сидел белозобый дрозд, его подгрудок в темноте был удивительно белым.

Она посмотрела вниз на Блэклоу и Бейкиз с верхней точки берега. В Блэклоу было тихо и пусто. Там не осталось животных, даже собак. Пустующие постройки казались ветхими и жалкими. В саду Бейкиз сушилось бельё, хотя было похоже, что близится дождь. Хотя с этой точки ей не было видно окон, на траву падал квадрат оранжевого света. Он должен был выглядеть успокаивающе домашним, но она осознала, что едет медленнее, чем раньше, откладывая миг, когда ей придётся столкнуться со враждебностью женщин внутри, вспоминая, как всегда, когда она приближалась к сараю, тело Беллы в свете фонарика.

Когда она вошла в дом, первым делом её удивил запах еды. Обычно приёмы пищи не были никак организованы, никаких уютных сборов по вечерам, чтобы сопоставить записи. Рэйчел предложила дежурства по мытью посуды, но даже это было невыполнимо. Они ели в разное время. Энн, казалось, питалась исключительно яичницей-болтуньей и копчёным лососем. Похоже, у неё был друг в коптильне Крастер, снабжавший её припасами. И бельгийским шоколадом, появившимся из ниоткуда. Она всегда щедро им делилась. Рэйчел иногда позволяла себе полакомиться. Грэйс относилась этому жесту с подозрением.

Проходя через гостиную, Рэйчел отметила, что со стола убрали книги и бумаги и накрыли его к ужину. На троих. Вокруг не было никаких признаков жизни. Она крикнула в сторону лестницы:

– Эй! Я вернулась! – стараясь говорить обычным голосом, не выказывая тревоги.

Появилась Энн. На ней были чёрные джинсы и топ без рукавов. Когда в коттедже зажигали огонь, там на какое-то время становилось очень тепло, но топ из кремового шёлка казался странным выбором. Слишком нарядный. Рэйчел спросила себя, не развлекала ли Энн гостя.

– Я приготовила запеканку, – сказала Энн. – Всё в порядке, для тебя есть овощная. В холодильнике бутылка белого вина.

Итак, или кто-то заходил, или Энн ездила за покупками. Она продолжила:

– Я подумала, ну, нам же жить вместе, верно? Нужно постараться подружиться.

– Где Грэйс?

Энн скорчила рожицу.

– Эта поросятинка ещё не вернулась. А я ей говорила, что буду готовить.

Рэйчел подошла к окну. Было почти темно.

– Она ведь оставила маршрут и время прибытия?

– Наверное, да. На доске объявлений на кухне. Как правильная девочка.

Это была шпилька Рэйчел, которой снова и снова приходилось придирается к Энн из-за того, что она не оставляла информацию о своих прогулках. Записка действительно была, написанная угловатым почерком Грэйс, с указанием точки на карте в зоне за ручьём и ожидаемым временем прибытия: 8.30. Сейчас было почти 8.30.

Рэйчел немного расслабилась. Паниковать слишком рано. Она снова подошла к окну, ожидая увидеть, как бледная фигура Грэйс появится из зарослей папоротника, как пловец из моря.

- Что ж, – сказала Энн. – Думаю, еда подождёт. Но я собираюсь открыть вино. Ты хочешь?
- Пока нет. – Казалось важным сохранить ясную голову.

В девять часов Рэйчел вышла с фонариком и прошла по тропинке до самого ручья. Она перешла его по мостику и начала выкрикивать имя Грэйс, сложив руки рупором, останавливаясь, чтобы прислушаться. Поднялся ветер. Ей было слышно ручей и шуршание пушицы и маленьких зверьков. Ослеплённый лучом фонарика, замер заяц. Не было звуков человеческого присутствия, ответного мерцания фонарика. Плотные облака закрыли луну, и, если бы не журчание воды, она бы совсем потеряла направление. Обыскать окрестности было бы невозможно, даже если бы Энн была готова помочь.

Когда Рэйчел вернулась в Бейкиз, Энн пила второй бокал вина. Она оторвала ломоть от багета и жадно его ела, чтобы показать, насколько голодна. Её ноги в чулках были вытянуты к камину.

– Ты же понимаешь, что она делает это специально, – сказала Энн. – Чтобы допечь меня, потому что я сказала, что буду готовить. Что ж, я больше ждать не собираюсь, умираю с голоду.

– Там сейчас темень непроглядная. – Рэйчел не могла оставаться спокойной. Она отошла от окна к двери кухни, стала всматриваться в темноту.

– Не паникуй, бога ради. Она не так уж сильно опаздывает. Готова поспорить, обо мне ты бы так не волновалась. Она не ребёнок, знаешь ли. Старше, чем кажется. Почти двадцать восемь.

На секунду Рэйчел отвлеклась.

– Откуда ты знаешь?

– Она оставила паспорт на туалетном столике наверху. Я заглянула.

Предчувствуя неодобрение Рэйчел, она добавила:

– Ну, мне было любопытно. Тебе разве нет? Мы не знаем о ней ничего, кроме того, что она кажется чертовой чудодейкой, когда дело доходит до поиска выдр. Если ты веришь её результатам.

В десять часов Рэйчел отправилась в Блэклоу звонить Питеру Кемпу.

– Не знала, что у тебя есть ключи, – заметила Энн.

– Даги дал мне комплект после похорон. На крайний случай.

Она дозвонилась Питеру на мобильный. Кажется, он сидел в переполненном ресторане. Были слышны пронзительные женские голоса, стук тарелок. По крайней мере, он серьёзно отнёсся к звонку. Она боялась, что он посмеётся над её беспокойством.

– Минуту, – сказал он. – Перезвоню тебе из места потише.

Через пять минут телефон зазвонил, звук громко отдавался в пустом доме. Питер говорил напористо, отрывисто. Он связался с горной спасательной командой, хотя и не думает, что им удастся что-то сделать до восхода. В любом случае местность не опасная. Никакого скалолазания или спусков в пещеры.

– Она ведь не из рискованных?

– Нет, – ответила Рэйчел. – Не думаю.

Он сказал, что ночь тёплая и даже если что-то произошло, она выживет до утра, но в любом случае команда скоро выезжает. Они сами определяют, как действовать. Разгадка его расторопности обнаружилась в конце разговора.

– Управление по охране труда к нам не придерётся из-за этого? Все процедуры соблюдены?

– Да, в полной мере.

– Что ж, тогда мы справимся с этим. Что бы ни случилось.

Случились шестеро крепких мужчин, приехавших на «Лендровере». Они показались бы привлекательными тем, кто любит мускулы и суровую мужественность. Энн, съев тарелку запе-

канки и допив вино, ушла спать. Рэйчел подумала, что ей было бы жаль такое пропустить. В команде был доктор, тот самый, что констатировал смерть Беллы и увёз Даги.

– У вас здесь не соскучишься, – сообщил он, словно завидуя Рэйчел. Наверное, в этом для него заключалась прелесть этой работы. Она позволяла участвовать в собственном остро-сюжетном кино.

Они вышли на холм прямо перед рассветом. С таким подробным отчётом о передвижениях Грэйс, сказали они, её легко будет отыскать. Даже если она сбилась с планируемого маршрута, проблем не будет. Доктор нёс складные носилки, торчавшие сверху из его рюкзака.

Рэйчел смотрела на них из окна своей спальни. Они не пригласили её пойти с ними, и ей не хотелось предлагать. Плотные облака висели низко, капала морось, и скоро их перестало быть видно. Она, должно быть, задремала, хоть и сидела на стуле выпрямившись, потому что вдруг поняла, что они вернулись. Рэйчел посмотрела на часы. Их не было два часа. Вернулось четверо, шагая в один ряд. Рукоятки носилок всё ещё торчали за плечом доктора, но Грэйс она не увидела.

Она прошла на кухню и поставила чайник. Перед уходом они шутили насчёт того, чтобы, когда вернутся, был готов чай. Газ разгорался так медленно, что она ещё была на кухне, когда они вошли. Все едва могли поместиться в крошечной кухне. Рэйчел чувствовала, как разгорячены они после прогулки, чувствовала запах мази от их ботинок.

– Вы нашли её? – Вопрос казался смешным, потому что Грэйс с ними явно не было. – Остальные, наверное, ещё ищут.

– Мы её нашли, – сказал доктор.

– Как она?

– Она мертва.

«Всё снова как с Беллой, – подумалось Рэйчел. – Теперь я знаю, каково это, когда тебя грабят на улице. Тебя бьют. Тебе кажется, что всё кончено, ты откатываешься в сторону, собираешься с силами, чтобы встать, а затем кто-то подходит и снова бьёт. И ты ни на секунду не забываешь, что виноват в этом только ты сам».

– Что случилось?

– Мы не знаем, – ответил доктор. – Пока не знаем. – Когда он обнял её в знак поддержки, она с горечью подумала о том, что ему, наверное, это всё кажется очень увлекательным.

Энн

Глава одиннадцатая

Энн знала, что они не поладят, с момента, как увидела Грэйс перед зданием железнодорожной станции Киммерстон. Что-то в этой тощей сучке её взбесило. То, как она сидела там, глядя прямо перед собой, словно ничто на свете не заслуживало её внимания, словно она одна что-то значила. Энн вообще-то не обязана была быть при ней таксистом. Питер собирался сам её отвезти, но позвонил ей в последнюю минуту и включил свои чары, которые, по слухам, заводили фригидную Рэйчел, но не работали на Энн.

– Что ж, – ответила она, – это едва ли мне по пути. – Поскольку она жила в Ленгхолме, ближайшая к исследовательскому центру и Киммерстону деревня была в тридцати милях.

– Да ладно тебе, Энн. Тебе ведь не сложно, правда?

– Я потребую возместить расходы на бензин.

Она чувствовала, что нельзя отказывать. Неподходящий момент.

Энн выехала впритык и опоздала на десять минут. Грэйс уже ждала снаружи. Был полдень, и на станции было пустынно, грязновато. Оставшиеся с прошлого года кашпо всё ещё были полны коричневого мха и сухих корешков, пара банок из-под колы валялась в канаве. Энн злобно подумала о том, что бы она сделала с детьми, которые разбрасывают мусор. Грэйс, должно быть, поняла, что это за ней, но когда машина подъехала, не двинулась с кованой железной скамьи. Она, казалось, полностью ушла в свои мысли. Или просто ленилась оторвать от скамейки задницу. Энн пришлось опустить стекло и прокричать:

– Ждёте Питера Кемпа?

Тогда Грэйс расплела длинные ноги и встала. Не торопясь, хотя Энн ждала с заведённым двигателем. Энн вышла, открыла багажник, и Грэйс забросила рюкзак, не говоря ни слова, даже не улыбнувшись.

«Не пошла бы ты!» – подумала Энн, но она носила на лице маску вежливости автоматически, как очень дорогие духи, которые дарил ей любовник. Она протянула руку над коробкой передач.

– Энн Прис, – сказала она. – Я ботаник.

– Грэйс Фулвелл. Млекопитающие.

– Не одна из тех Фулвеллов? – шутя спросила Энн, потому что Грэйс точно не могла быть одной из тех Фулвеллов, иначе она бы о ней слышала. – Холм-Парк-Холл? Хозяева всего, что попадаете им на глаза.

Грэйс странно посмотрела на Энн.

«Корова надменная», – подумала Энн. Она уже сталкивалась с такими людьми, как Грэйс, раньше. Получат пару степеней и думают, что лучше всех остальных. Радости не прибавлял тот факт, что Грэйс была моложе её на добрых лет десять, и она сказала:

– Извини. Откуда тебе было слышать о них, если ты не местная? Фулвеллы – влиятельная семья в этой части страны. Им принадлежит большая часть горной местности. По крайней мере, создается такое впечатление.

– Правда?

– Ага. Они мои соседи. Вроде того.

Грэйс отвернулась со страдальческим выражением на лице.

– О, – сказала она, – понятно.

– Издалека ехала?

– Из Ньюкасла. Сегодня. – На вопрос Энн она, по сути, так и не ответила.

По пути в Бейкиз Энн старалась поддерживать диалог, но Грэйс отвечала односложно, так что она тоже замолчала. Они проезжали через Ленгхолм, когда Грэйс внезапно выпрямилась. Словно проснулась от глубокого сна.

– Что это за место? – спросила она требовательно.

Энн ответила.

– Ленгхолм? – В ее голосе прозвучало удивление, как будто она не верила своим ушам.

– Мне ли не знать, прожила здесь десять лет.

– Просто я ожидала другого, – пробормотала Грэйс.

– Чего ты ожидала?

– Не знаю, чего-то поопрятнее, полагаю. Чего-то красивее.

– Бог мой, откуда такие представления?

В Ленгхолме не было ничего красивого. Дома с террасами были выстроены вдоль горного хребта, открыты северному ветру. Краска на здании паба потускнела, словно её вычистили песком, колонки на заправке заржавели. У этого места было больше общего с шахтёрскими посёлками Дарема ближе к югу, чем с рекламными картинками Национального парка в туристической брошюре Нортумберленда.

– Конечно, – продолжила Энн, и ей самой показалось, что она как будто защищается, – на самом деле мы живём не в деревне.

Когда дорога спустилась к церкви и полоса леса наконец дала какое-то укрытие, Энн указала на Прайори. Семейное гнёздышко. Бледный камень дома был частично скрыт деревьями, но отсюда открывался прекрасный вид на сад. Энн замедлила ход, чтобы Грэйс могла восхищаться им. Даже сейчас, пока ещё не все распустилось, сад выглядел чертовски хорошо. Десять лет тяжёлого труда ушло, но это того стоило. Грэйс едва взглянула.

– И Холм-Парк-Холл? – спросила она. – Где он?

Энн проигнорировала её. Всё равно она старалась сосредоточиться на карте. Она раньше никогда не ездила на машине в Блэклоу. Те контракты, над которыми она работала до этого у Питера Кемпа, были на побережье, и они с Джереми не слишком близко общались с Беллой и Даги Фёрнесс. Они вращались в разных кругах. Если у Беллы и Даги вообще был какой-то круг. В деревне они считались замкнутыми. Белла не была в доле в разработке месторождения и никогда не ходила в церковь. Хотя, подумав об этом сейчас, Энн вспомнила, что как-то видела Беллу в церкви.

Она вдруг вспомнила женщину в большом пальто, сгорбившуюся на задней скамье – дыхание вырывается облачками пара, по щекам текут слёзы. Должно быть, это было предыдущее Рождество, детская постановка вертепа, вечное нестройное «Вдали в вертепе», Мария и Иосиф, полные благоговения перед звездой, суесящиеся ангелы с блестящими крыльями и мишурными нимбами. Всегда душещипательно. Даже Энн на Рождество иногда задумывалась, не лишилась ли она чего, не родив детей.

Возможно, подобные мысли пришли в голову и Белле. К моменту встречи с Даги ей уже, видимо, было поздновато заводить семью. Впрочем, по мнению Энн, это едва ли могло служить поводом, чтобы устроить сцену на публике, и она обрадовалась, когда Белла выбежала сразу после службы – не придётся говорить с ней.

Когда они приехали в Бейкиз, Энн на мгновение совсем забыла про Беллу. Рэйчел ждала их. Она выглядела уставшей, словно спала не раздеваясь. Огонь не зажигали, так что горячей воды не было. Энн раздражённо взглянула на неё.

– Боже, – сказала она. – Ужасно выглядишь!

Рэйчел вытерла лицо рукавом, словно сопливый мальчишка, и объявила им обоим, что Белла мертва, повесилась в амбаре. Образ заплаканной женщины средних лет на задних рядах в церкви снова встал у Энн перед глазами, и хотя она не была суеверной, ей показалось немного

зловещим, что она так ясно представляла себе Беллу по дороге на ферму. Она задумалась, не было ли это своего рода предостережением.

На следующий день Энн не торопилась выйти в поле. Она никогда не бывала особенно бодра по утрам, и потом – это же не птицы. Растения никуда не денутся.

Она уже посмотрела крупномасштабные карты и примерно знала, где расположит свои стометровые площадки. Питер предоставил данные о ландшафте со спутников, но требовалась проверка на местности. Ей нравилась идея проверки на местности, мысли о том, чтоб нагнуться поближе к земле, сделать всё правильно.

Энн быстро миновала двор фермы – она не была чувствительной, но вспоминать о Белле, покачивающейся на верёвке в амбаре, не хотелось, – и направилась к переправе. На скрытом со стороны дороги берегу уже появились бутоны первоцветов и фиалки, и солнце грело ей спину. С места повыше ей открылся вид на старый рудник, и Энн подумала, что было бы интересно исследовать участок поближе к нему. На старом перекопанном известняковом грунте может быть совсем другая растительность. Однако сегодня ей хотелось отыскать участок торфяного болота, который Питер пометил на карте как достойный исследования. Она ушла с дороги и зашагала по открытому склону холма. Дорогу, рудник и дом на ферме уже не было видно. Она даже не могла разглядеть никаких электрических столбов.

Существовала конкретная процедура, предписывающая, как приступать к этому исследованию. Здесь не требовалось просто разгуживать по холмам с лупой и садовой лопаткой.

Когда Энн впервые пришла в это дело, она пренебрегала правилами, думая, что они составлены учёными, привыкшими к многоступенчатой служебной иерархии, которым хотелось отпугнуть новичков. Затем Питер отправил её на курсы по классификации растений Великобритании, и она ухватила суть.

Каждый участок исследования представлял собой стометровый квадрат, внутрь которого произвольно помещались пять пробных площадок в два квадратных метра каждая – их ограничивали конструкции из деревянных рам. Произвольность обеспечивалась тем, что вы становились в середину большого участка и кидали первый «квадрат», отправлялись на место его приземления и оттуда кидали следующий, пока все пять не оказывались на земле. Пять таких квадратов составляли зону исследования.

Сегодня времени у неё хватало только на то, чтоб пометить вехами из рюкзака стометровый квадрат, но именно это больше всего нравилось Энн: подробное исследование, распознавание растений внутри рам, отмечание густоты произрастания. Она любила ковыряться в сфагновом мхе, ища растения вроде клюквы, подбела, нартеция, припадая так близко к земле, что чувствовала запах торфа, насекомых на своих пальцах. Энн всегда надеялась наткнуться на нечто необычное, что-то непростое для распознавания. Что-то, что поставило бы на место этих чёртовых учёных.

Не то чтобы на этой работе была большая вероятность наткнуться на что-то такое, думала она, вбивая колышек в землю, налегая на него всем весом, потому что ей не хотелось, чтоб его снесло первым же порывом ветра. Этот участок болота может быть интересным, но, имея представление о местной земле в целом, она не ждала никаких потрясающих находок. Большая часть топи была давно осушена, а земля, которую арендовали под сельское хозяйство фермеры из Холм-Парка, была так выщипана овцами и кроликами, что стала гладкой и зелёной, как стол для бильярда. Энн вообще не была уверена, что этому проекту нужен ботаник. Впрочем, может, это была идея Годфри Во.

Когда она выпрямилась, долина наполнилась звуком: военный самолёт с базы ВВС Великобритании прогудел над головой, так низко, что казалось, потянешь она вверх, почувствовала бы пальцами движение воздуха.

Глава двенадцатая

Энн Прис впервые увидела Годфри Во, главу компании «Карьеры Слейтбёрн», на встрече в церкви Святой Марии в Ленгхолме. Встреча была созвана разработчиками для разъяснения структуры проекта. Они говорили, что в прессе циркулирует много нелепых слухов и что, когда жители деревни поймут истинную суть нового карьера, они, скорее всего, поддержат план.

Несколько жителей деревни спросили Энн, собирается ли она на встречу. Казалось, они полагали, что она может оказать какое-то влияние на процесс принятия решений. Возможно, потому, что у неё была репутация женщины дерзкой и умеющей постоять за себя. А может быть, это было связано с её необъяснимым сходством с Камиллой Паркер-Боулз. Они были так похожи, что ходили слухи, что Энн и в самом деле любовница принца, инкогнито. Разумеется, сама мысль об этом была нелепа. Она жила в Прайори в Ленгхолме с мужем с тех пор, как они поженились. Саму Энн всегда раздражало это сравнение. Она была моложе Камиллы лет на десять.

Энн явилась на встречу не для того, чтобы доставить удовольствие своим деревенским знакомым, а из собственного интереса. Больше всего в Прайори она любила сад и вид на долину Блэклоу. Именно там должен был располагаться карьер. Энн с самого начала стало ясно, что по сути планировалась промышленная застройка. Будут новые дороги, дуговые лампы, постоянный звук работающей техники. Один только шум сведёт её с ума. И потом – что станет с садом? Она представила, как осадок известняковой пыли медленно убивает её деревья и цветы, её малиновые кусты и овощи, несмотря на все усилия.

Энн попыталась убедить Джереми пойти с ней на встречу.

– Подумай, как упадет стоимость дома, – сказала она. Однако Джереми решил, что у него важная встреча в Лондоне, так что она пришла одна.

Она села в первый ряд в части зала, отведённой для делегатов. Хотя Энн опоздала, стул для неё оставили свободным, поскольку ожидалось, что она выскажется за всех.

Встречу вёл член местного совета, юрист из Киммерстона. Энн узнала его и помахала рукой. Он проигнорировал её, и Энн решила, что, возможно, сюда пришла его жена, сидит в задних рядах. С самого начала он продвигал мысль о том, что региону необходимо промышленное развитие, поскольку ощущается острая нехватка работы.

– Мы теряем нашу молодёжь, – объявил он.

Высокопарный кретин, подумала Энн.

С самого начала ей стало понятно, что он старается убедить присутствующих в необходимости строительства, одновременно создавая впечатление человека беспристрастного за счёт абстрактных намёков на экологические противопоказания. В конце концов терпение Энн лопнуло. Она подготовилась заранее. Она робко подняла руку и встала, мило улыбаясь.

– Простите, можно задать вопрос председателю?

Казалось, советник Бенн нервничает, но едва ли он мог отказать.

– Скажите, пожалуйста, советник Бенн, где вы живёте?

Он запнулся, прежде чем ответить:

– Не думаю, что это имеет значение в данном случае.

Энн взглянула на него. Он начинал лысеть, был слегка близорук. Хорошо ещё, что он специализировался на законах о собственности и трудоустройстве. В уголовном суде его бы разорвали на части.

– И всё же. Просветите меня. – Она слегка повернулась, чтобы посмотреть на собравшихся. Энн всегда знала, как управлять толпой. Раздался выжидательный ропот. Советник, моргая, смотрел в зал.

– Я живу в деревне с южной стороны Киммерстона. Но только потому, что я не местный...

– Деревня Холистоун?

– Не понимаю, какая связь между моими личными данными и обсуждаемым делом. – И он был настолько глуп, что и правда не понимал. На мгновение Энн стало совестно – он был такой лёгкой мишенью, но она слишком наслаждалась происходящим, чтобы остановиться.

– Могу я процитировать пассаж из *«Киммерстон Газетт»* от двадцать первого июля? Заголовок гласит: ЖИТЕЛИ ХОЛИСТОУНА ПРОТЕСТУЮТ. Статья посвящена ходатайству Британских угольных подрядчиков о карьерной разработке. Позвольте спросить вас, вы помните это ходатайство, мистер Бенн? Дело было два года назад.

Он продолжал смотреть на аудиторию. Паника, похоже, лишила его способности мыслить рационально. Его рот был открыт, как у рыбы, но оттуда не раздалось ни слова. Она беспощадно продолжала:

– Скажите мне, мистер Бенн, не были ли вы заместителем главы организации, известной как ХОКР – Холистоунское общество по борьбе с карьерной разработкой?

Это подтолкнуло его заговорить связно. Он рывкнул:

– В самом деле, я никому не позволю вот так перехватывать контроль над встречей.

– У меня есть доказательства, – весело сказала Энн. – Письма из ХОКРа с вашей подписью местным сторонникам. Не думаю, что вы в силах это опровергнуть. И мне кажется очень необычным, мистер Бенн, что вы так озабочены созданием рабочих мест для молодёжи в нашей деревне и так не хотите предоставлять то же право вашим землякам. Уверена, карьерная разработка тоже обеспечила бы рабочие места.

Она села. За её спиной раздалась одобрительные крики, аплодисменты, пару раз свистнули. Поделом Дереку Бенну. Сохраняя он хоть какую-то объективность как председатель встречи, Энн не стала бы поднимать вопрос о ХОКРе. Бенна никогда особенно не заботила карьерная разработка, он даже не явился на большинство встреч. Его участие в группе дало ему алиби, предлог, чтобы выбираться из дома, когда он встречался с Энн. «Боже ты мой, – подумала она, – и что я в нём нашла?»

После встречи группа протестующих отправилась в паб обсудить дальнейшую стратегию. Стояла середина лета, и было ещё светло. Энн предпочла бы быть у себя в саду, однако прошла с ними через дорогу к «Ридли Амс». Жизнь в Прайори подарила ей определённый двойственный статус в деревне. Ответственность. Она не была в одной когорте с Фулвеллами из Холм-Парка. От них не ждали, что те будут участвовать в жизни деревни, разве что изредка откроют церковную летнюю ярмарку. Но при этом у неё был вес в обществе.

Энн, к примеру, предложили должность старосты церкви Святой Марии, хотя она почти никогда не посещала церковь. Казалось, вместе с домом положена и должность. Раз Энн отказалась, было решено, что она высокомерная корова.

В пабе было шумно и суматошно, и очень быстро Энн пришлось взять инициативу в свои руки. Некоторые хотели организовать петицию. Она их отговорила.

– Смотрите, – заявила она. – На петиции особого внимания не обращают. Организаторы проекта получают их постоянно. Они знают, что люди подписывают бумажки, толком не прочитав их, или потому, что не хотят отказывать. Нужно организовать личные протестные письма. Они весомее.

Когда она села, Сенди Бейнс, владелец заправки, застенчиво поинтересовался, не хочет ли Энн выпить.

– Я думала, что карьер в ваших интересах, – сказала она. – Грузовикам же надо будет где-то заправляться, правда?

Казалось, эта мысль никогда не приходила ему в голову, и она с удовольствием заметила, что он исчез, как только принес ей джин-тоник. Он попался в ловушку общедеревенской подозрительности по отношению к переменам и незнакомцам. Энн сомневалась, сможет ли это изменить даже перспектива личной выгоды.

Затем к ней подошёл невысокий мужчина, чьё имя она никак не могла запомнить, живший в современном уродливом коттедже по пути в деревню.

– Послушайте, – сказал он. – Мало кто из нас может высказаться. Мы бы хотели, чтоб вы вступили в наш комитет. Ну, это, говорили за нас.

У него была голова, похожая по форме на овечью, и густые курчавые белые волосы. Ей представилось, что это вышло у него как «бе-е». Она вспомнила, что, кажется, когда-то он работал мясником. Энн любезно отказалась. Несмотря на то что она поддерживала проект и любила хорошую перепалку, было понятно, что скоро ей всё это наскучит. Наскучат все эти люди. Энн допила свой джин-тоник и встала, собираясь уходить.

– Муж будет меня искать. – Хотя она знала, что даже будь Джереми дома, ему плевать.

Энн немного постояла на улице, наслаждаясь пением последних птиц. Кто-то делал барбекю. Она поняла, что голодна, и почти вернулась в паб, потому что, хоть Милли и была паршивой хозяйкой, ни черта не понимавшей в том, как обслуживать клиентов, Энн сегодня вроде как героиня, и ей бы подали хоть тарелку сэндвичей.

Затем, почти беззвучно выехав из тени, перед ней остановилась блестящая чёрная машина. Стекло с урчанием опустилось. Она увидела Годфри Во и поняла, что он, должно быть, ждал её.

– Миссис Прис, – сказал он так, словно оказался здесь случайно. – Скажите, могу ли я вас подвезти?

Она сразу же узнала в нём владельца компании, занимающейся карьером. Она уже видела его на трибуне во время собрания. Его представили, но он едва произнес пару слов. Когда Энн смотрела на него из зала, он явно чувствовал себя не в своей тарелке в своём сдержанном костюме и отполированных туфлях – он напомнил ей кандидата на собеседовании, который очень старается угодить.

– У меня есть своя машина, спасибо.

Обшарпанный старый «Фиат». Когда она выходила замуж за Джереми, предполагалось, что где-то на заднем плане есть деньги. Всё обернулось немного не так.

– Мне бы очень хотелось с вами поговорить. Вы ужинали? Может быть, я мог бы угостить вас. – Он говорил робко и немного напоминал того пожилого мужчину в пабе.

– Меня так легко не подкупить.

– Нет, конечно, нет! – Он воспринял её слова всерьёз и был шокирован.

Энн улыбнулась. При плохом освещении она могла немного напоминать Камиллу Паркер-Боулз, но ей было известно, как действует её улыбка.

– Что ж, – сказала она. – Почему бы и нет? – Было уже слишком темно, чтобы заниматься садом, к тому же ей стало любопытно.

– Вы поедете со мной? Или, возможно, вы бы предпочли поехать за мной на своей машине? Я думал о «Джордж».

Отлично, подумала она. «Джордж» называлась простенькая гостиница в соседней деревне, повар там создавал шедевры из местных ингредиентов.

– Нет, я лучше поеду с вами, если вы не против подвезти меня потом обратно сюда.

Внезапно она поняла, что не хочет, чтобы он приглядывался к страшненькому «Фиату». Что-то в нём заставило её почувствовать желание впечатлить. Тогда она решила, что дело в его деньгах.

Глава тринадцатая

– Расскажите мне о себе, – сказала Энн. Она наклонилась через стол, поставив локти на белую скатерть. Горели свечи, за что она была благодарна. Недавно она заметила несколько

морщин над верхней губой и знала, что платья без рукавов ей уже противопоказаны. Они были не в «Джордж», а в другом ресторане, в другой вечер. Годфри Во позвонил ей утром.

– Я подумал, что мы должны снова увидеться. Последняя встреча мне показалась очень полезной. Я хотел бы услышать все ваши предложения относительно того, как сделать карьер привлекательным для местных жителей.

Но Энн сказала ему, что здесь, в ресторане, она больше хочет поговорить о нём самом.

– Особенно нечего рассказывать, – ответил он, хотя ей было видно, что просьба ему приятна. Он говорил с местным акцентом, немного заикался. Он был очень застенчив. На их первой встрече Энн поняла, что если дело когда-нибудь дойдёт до соблазнения, инициативу ей придётся взять на себя. Ей придётся быть активным партнером. Они, наверное, были ровесниками, но в нём было что-то чудное и подростковое. Она ожидала заурядного хамоватого бизнесмена, а не мальчика и была тронута.

Он продолжил, бормоча так тихо, что ей пришлось наклониться, чтобы расслышать его.

– Я вырос в Киммерстоне. В одиннадцать провалил экзамен и пошёл в государственную среднюю школу. Я никогда хорошо не учился. Не видел смысла. Не то чтобы я дурака валял. Просто всё равно было. В пятнадцать я ушёл из школы и отправился работать на карьер-каменоломню в Слейтбёрн. Тогда размах был не тот, не то что сейчас. Старик готовил отёсанные камни для каминных полок, декоративные стены, надгробия, вы можете себе представить. Он утратил к этому интерес, к денежной стороне, по крайней мере. Ему нравилось возиться с камнем и резцами, но проверка неоплаченных счетов его не волновала. Мне представился шанс купить место. Всегда любил зарабатывать деньги, даже в школе.

Он улыбнулся, будто извиняясь. Возможно, Энн казалась ему одной из экологических активистов, у которых вата вместо мозгов и равнодушие к деньгам.

– Вот, собственно, и всё. Нам удалось расшириться. Такая же удача, как и всё остальное. Повезло оказаться в нужном месте в нужное время. Вы понимаете. – Он резко замолчал. – Слушайте, не следует мне так много говорить о себе. – Как будто он прочитал этот совет в журнале.

– Вы женаты? – спросила Энн, решив, что, возможно, колонка с советами попалась ему в журнале жены. Кольца на нём не было, но она подумала, что он женат. Он выглядел как женатый мужчина.

Он помолчал, и она ожидала услышать ложь, но ответ был:

– Да, на Барбаре. Она редко бывает на людях.

– Какая странная фраза! – Настолько странная, что Энн попыталась заставить его сказать что-то ещё, но он отказался.

– Я замужем, – сказала она наконец, вызываясь потягиваясь. – И я всё время бываю на людях.

Почему-то это замечание его смутило. Он не ответил и потянулся наполнить её бокал. Она уже выпила большую часть бутылки. Он предложил её подвезти.

– Вы из этих краёв? – спросил он. Он был очень вежлив, словно они только познакомились. – Я имею в виду, вы родились здесь?

– Недалеко отсюда.

Она терпеть не могла вспоминать прошлое. Энн всегда считала своих родителей отвратительными людишками. Её отец был директором подготовительной школы для мальчиков. До того, как ей самой пора было пойти в школу, она росла в атмосфере мелочной тирании и бессмысленных обычаев, соревновательных игр и фальшивых традиций. Её мать командовала остальными жёнами, а отец командовал всеми вообще.

– Куда вы тогда ходили в школу? В гимназию, наверное. – Ей показалось забавным, насколько вопрос образования был для него важен. Она презирала людей с дипломами, но, кажется, для него это был способ определить, что за человек перед ним.

– Господи, нет! Меня послали в жуткую свалку на болотах в Северном Йорке. Ничему там не научилась.

Энн всегда описывала годы, проведенные на жуткой свалке, именно так, хотя понимала, что это не совсем правда. В школе была женщина, преподавательница биологии мисс Мастермен, которая казалась такой же одинокой и обособленной, как и любая из девочек. Она была молода, приехала прямо из колледжа, достаточно колючая. Шотландка, которая лучше чувствовала бы себя в районной средней школе, а не в этом готическом массивном здании. Даже тогда Энн было интересно, что она там делала. Сложно было представить мисс Мастермен распивающей дневной чай в обшитой панелями учительской со скучными старыми девами, которые составляли большую часть персонала. И она определённо предпочитала своим коллегам компанию небольшой группы старших девочек. Она организовывала пешие походы на моховые болота и, выйдя из школы, казалось, расслаблялась. Мисс Мастермен носила с собой блокнот, полный карандашных рисунков. Линии были чёткими, картинки полны деталей. Она сбрызгивала их пахнущим грушевыми леденцами фиксатором, чтобы не размазывались.

Иногда мисс Мастермен организовывала вылазки за грибами. Вдали от школы она поощряла девочек называть её Мегги, но Энн всегда думала о ней как о мисс Мастермен. Они несли плетеные корзины и со сладким ужасом слушали, как она своим сухим голосом с эдинбургским выговором рассказывает истории о людях, по ошибке съевших ядовитые грибы. Как можно дольше затягивая с возвращением в школу, они разводили в сумерках огонь и жарили съедобные грибы, шампиньоны и белые навозники.

Сидя в ресторане и глядя на мерцающие огоньки свечей, Энн вспоминала, как пах дым от костра, какими были на ощупь оловянные тарелки с вмятинами, каков на вкус маслянистый сок, который они собирали корочками хлеба. Она кое-чему научилась у преподавательницы биологии. Она узнала, что не желает быть похожей на Мегги Мастермен, зависеть от девочек-подростков и грибов для забавы. А ещё – что обожает растения.

– Вы работаете? – ворвавшись в её воспоминания, спросил Годфри. – Или, может, у вас есть дети?

Как будто это взаимоисключающие вещи.

– Нет, детей нет. И нет постоянной работы. Обрывки то там, то сям.

Когда было туго с деньгами. Когда загадочные сделки Джереми провалились. Очень скоро после свадьбы Энн узнала, что Джереми гей, склонный к аффектации и театральным жестам. Конечно, ему уже было известно об этом, когда они поженились, но, возможно, он полагал, как старый архиепископ Кентерберийский, что правильная девушка его исцелит. Она была уверена, что в его действиях не было злого умысла или желания досадить, но были иные хитрости – например, он производил впечатление человека с деньгами. У Джереми и правда был Прайори, что в своё время звучало великолепно, но оказалось всего лишь фермерским домом с громким именем, который выстроили из камней церкви эпохи Тюдоров. И за дом он не заплатил, тот перешёл к нему от деда.

По природе своей Джереми был изумительно оптимистичен. Он ввозил из-за границы антиквариат, предметы искусства, книги. Обычно ему удавалось заработать достаточно, чтоб продержаться, но в последнее время Энн стала подозревать, что у него перестало получаться и это. Они никогда не обсуждали финансовые вопросы. Если она спрашивала о деньгах, он грозил толстым пальцем:

– Брось, старушка. Предоставь всё мне.

В последнее время он всё меньше строил планы относительно дома, всё меньше говорил об оформлении интерьера – обычно Джереми любил болтать о тканях и мебели. Энн задумывалась, уже не в первый раз, не шантажируют ли его его мальчики.

Однако необходимость работать ради денег вызывала у Энн возмущение. Требовалось приложить столько усилий, а вознаграждение было совсем невысоким. Это представлялось ей

унизительным. Так, она могла провести целый день, благоустраивая чей-нибудь сад, а денег всё равно было бы недостаточно, чтоб оплатить этот ужин. То, что её ценят так низко, задевало её гордость. Энн обнаружила, что предпочитает работать волонтером. Так она впервые встретила Питера Кемпа.

Она ответила на объявление в журнале Фонда дикой природы. Требовались люди с познаниями в ботанике для помощи в исследовании природы Англии. Её записали на курсы, где она проявила себя с лучшей стороны. С тех пор Энн регулярно работала на фонд волонтером и наслаждалась каждой минутой. Это было как снова оказаться на уроках ботаники с мисс Мастермен.

Энн поняла, что во взгляде Годфри читается мольба.

Боже мой, подумала она. Ему хочется поговорить о своём отпрыске.

– А у вас? – спросила она, смирившись. – У вас есть дети?

Он ответил сразу же, с гораздо большим оживлением, чем когда речь шла о делах.

– У нас маленькая девочка. Фелисити. Ей почти десять. Очень развитая для своего возраста. По крайней мере, мы так думаем. Она всё ещё в местной школе в деревне; Барбара говорит, что там хорошие учителя. Потом посмотрим...

Энн незаметно зевнула в ладонь. Она почти ожидала, что он достанет фото, которое, без сомнения, держит в бумажнике. И всё же именно в этот момент она решила, что может позволить себе закрутить с ним интрижку. Он никогда не воспримет всё *слишком* серьёзно. Не будет разговоров о разводе, о том, чтобы съехаться. Он не сделает ничего, что может расстроить его дочь.

Теперь ресторан был почти пуст. Он находился в Киммерстоне, прямо на берегу реки. Они были вдвоём в помещении, почти целиком сделанном из стекла. От воды отражался холодный зелёный свет. Свеча на столе была единственным источником тепла в комнате.

– Вам нужно возвращаться? – спросила Энн. Она заговорила резко. В её голосе определённо не было ничего соблазняющего. Она перегнулась через стол и протянула ему длинную белую руку. Энн никогда не пользовалась перчатками, когда занималась садом или работала на объекте, и знала, что её руки не выдержат пристального внимания. На большом пальце осталось пятно, которое она не смогла вывести, остальные были исцарапаны, ногти ей пришлось обрезать. Но ей хотелось дотронуться до него. Годфри зачарованно смотрел на медленно приближающуюся к нему руку. Когда их пальцы встретились, она взглянула ему в лицо и увидела, что он покраснел и тяжело дышит.

– Итак?

Пальцы у него были жёсткие, как и у неё.

– Я не знаю.

– Барбара тебя ждёт?

– Я могу позвонить. Сказать, что меня задержали.

Он поглаживал её ладонь большим пальцем. Энн удивило, как подействовал на неё этот простой жест. Она думала, что постарела и пресытилась, и всё же вот, хочет этого прямого немолодого мужчину так сильно, что почти теряет сознание.

– Почему бы тебе этого не сделать? Джереми ещё в Лондоне, и ты мог бы зайти. Пропустить стаканчик. Если хочешь. – У неё едва получалось выговаривать слова.

Снаружи они немного постояли рука об руку. Энн чувствовала запах реки. Хотя они были далеко от побережья, в воде было немного водорослей и соли. Через дорогу завелась машина. На секунду это привлекло внимание Годфри, и она почувствовала, как напряглась его рука. Он отвернулся от света фар. Ей польстил этот приступ вины. Было видно, что неверность нелегко ему даётся. Ей пришлось в голову, что, может быть, он в первые в жизни изменяет жене.

– Что ж, – сказала она. – Поедешь со мной?

Но до дома в Прайори они не доехали. Их первый секс случился на заднем сиденье «БМВ». Годфри свернул с дороги и припарковался в скрытом деревьями месте по пути к ферме. После, лёжа на кожаном сиденье, Энн смотрела, как лунный свет проникает сквозь летнюю листву. Она узнала деревья – это были боярышник и бузина.

Глава четырнадцатая

Тем летом Энн виделась с Годфри регулярно, но тайком. Она была очень осмотрительна, что ей было отнюдь не свойственно. В прошлом она бравировала своими мужчинами. Джереми притворялся, что ему всё равно, и, возможно, так оно и было, хотя ему нравилось думать, что они эдакая счастливая пара рантье, которые предаются радостям семейной жизни и сельского досуга. Энн опасалась, что он будет смеяться, узнав о Годфри. Смеяться над костюмами из «Маркс энд Спенсер», вычурными золотыми часами, сверкающими ботинками. Несмотря на свои знакомства, Джереми был сноб. Годфри желал сохранить их роман в секрете ещё больше, чем она. Он не мог допустить, чтобы жена или ребёнок узнали о том, что у него есть любовница.

И поэтому Энн вела тот же образ жизни, что и раньше. Стояло жаркое сухое лето, и она проводила часы, работая в саду. Её лоб потемнел, как выделанная кожа, руки и шея покрылись веснушками, так что однажды она спросила Годфри:

– Я выгляжу минимум на шестьдесят. Как я могу тебе нравиться? – Она ждала саркастического ответа про то, что ему нравятся женщины постарше; однако он сказал:

– Ты мне не нравишься. Все намного, намного серьёзнее. – И Энн ему поверила. В начале осени она собрала первые яблоки, завернула в газету и сложила в коробки в гараже. И всё ещё ждала тайных встреч с нетерпением.

Той же осенью активизировалось протестное движение. Энн продолжала принимать в этом участие. Ей нравилось ходить на встречи, на которые приглашали Годфри. Стоя перед дверью ветхой церкви, она чувствовала нетерпеливое возбуждение, потому что знала, что он уже там. Иногда до неё доносился его голос, низкий и монотонный, когда он отпускал какое-нибудь замечание. Годфри, может, и не сдал экзамены, но все данные были у него в голове и он без запинки их воспроизводил, словно ребёнок, исполняющий любимую детскую песенку. Ей нравилось спорить с ним на людях.

Люди в комитете считали, что она терпеть не может Годфри Во.

– Да ладно вам, – сказал ей мужчина с овечьим лицом. – Переходить на личности не обязательно.

Годфри всегда был вежлив в этих перепалках. Наедине они никогда не обсуждали рудник. Энн казалось, что он чувствует облегчение, когда они притворяются, что испытывают друг к другу неприязнь. Его жена никогда бы не поверила, что он может влюбиться в такую агрессивную крикливую кикимору.

Однажды она увидела их вместе, Годфри и его жену. Даже ребёнок там был. Годфри отдал один из выработанных карьеров Фонду дикой природы, чтобы это место стало основой нового заповедника. Карьеры затопили и превратили в пруды. Директор фонда оптимистично рассуждал о тростниковых зарослях и заболоченных участках. Годфри выделил большие суммы на планировку и землю, но только что подал заявку на открытие огромного карьера в Блэклоу, так что в Фонде дикой природы царила некоторая нервозность. Каковы намерения Годфри Во? Является ли его пожертвование упреждающим ударом в надежде заполучить карьер без лишних проблем? Энн не знала ответов на эти вопросы, но ей было сложно поверить, что Годфри может быть коварным.

Благодаря подозрениям в отношении истинных намерений Годфри Во открытие нового заповедника прошло без всякой помпы. Энн слышала, как один из членов фонда, консерва-

тивная дама в кашемировом костюме, сказала другой: «Нам хотелось бы установить шатёр, но в данных обстоятельствах это едва ли допустимо».

Было время ланча, самое начало октября; день стоял тёплый, теплее, чем обычно летом. Заповедник располагался в низине. Равнины простирались до самого побережья. Хоть насыпь, сделанная из отходов с рудника, скрывала море от гостей, его присутствие ощущалось благодаря мерцанию на горизонте, огромному небу.

На берегу пасся скот, поглядывая вниз на празднество. Один из карьеров уже был полностью затоплен и привлёк крякв, лысух и камышниц.

Энн специально опоздала, чтобы пропустить речи, и присоединилась к людям, которые высыпали из одного из зданий – оно принадлежало руднику, и сейчас его переделали в туристический центр. Похоже, настало время церемонии открытия. Между двумя хилыми, недавно посаженными деревьями протянули ленту. Впоследствии здесь будет вход на парковку. Энн заметила спину Питера Кемпа и проскользнула к нему.

– Кому доверили честь?

Он удивлённо обернулся.

– Бог мой, женщина. Чуть до сердечного приступа не довела.

– Так кто из знаменитостей перережет верёвку?

– Девчонка Годфри Во. – Питер поморщился. – Отвратительно, правда?

– Слыхала, ты сам присоединился к толстосумам. А разве не начинал самостоятельно?

Консалтинг, кажется, да?

– А, это совсем другое.

– Разумеется, – сказала она. – Всегда так бывает.

– Будь со мной повежливее, Энни. Я мог бы найти тебе работу. Нормальную оплачиваемую работу. У меня есть контракт с ЭОП³ Блэклоу.

– Господи! – воскликнула Энн. – Как тебе удалось? – Это произвело на неё впечатление. – Разве они не искали кого-то с именем?

– Я лучший, Энни. Вот и всё, что им требуется знать. – Он сделал паузу. – Так работа тебе не нужна?

– У меня нет образования.

– У тебя есть навыки. Мне доверили сбор данных, и я могу нанимать кого пожелаю.

Энн всё ещё раздумывала, главным образом о том, как поведёт себя Годфри, услышав эту новость, когда объявили об открытии. Отец вёл за руку Фелисити Во. Она была пухлой старомодной девочкой с щеками как у хомяка и длинными завитыми волосами. Он протянул ей садовые ножницы, и она попыталась перерезать ленту. Это было непросто, поскольку ножницы оказались совсем тупыми. Наконец Годфри помог ей, накрыв её руки своими. Раздался взрыв аплодисментов.

Годфри повернулся к женщине, стоявшей перед толпой. Вероятно, жене. Энн отпила тепловатого вина, когда все подняли бокалы за заповедник, и посмотрела на неё.

Энн придумала образ Барбары Во. Ей представлялась пухлая, скучная женщина. Годфри встретил её в старших классах. Домашняя жизнь их была ужасна, разговоры редки. Секса у них не было, наверное, с зачатия чудо-ребёнка, и, согласно этой выдумке, дочь была единственным, что объединяло пару.

Энн сразу увидела, что совершенно неправильно оценила ситуацию. Прежде всего, Барбара была серьёзной соперницей. Она была дорого одета, выглядела ухоженно. У неё были скулы, за которые некоторые женщины бы многое отдали, и волосы, завитые мягкой волной. В сравнении с ней Энн ощутила себя костлявой, неопрятной.

³ Экологическая оценка проектов.

Она увидела, как Барбара и Годфри обменялись парой слов, затем Барбара отошла от него и направилась по траве к Энн. Энн разозлилась, решив, что Годфри всё-таки рассказал жене об интрижке. Может, он беспокоился о секретности, только чтобы сохранить имидж уважаемого человека. Может, они были одной из тех отвратительных пар, у которых нет друг от друга секретов. Энн приготовилась к скандалу.

Однако Барбара, казалось, хотела быть дружелюбной. Она нервно улыбнулась. Энн почувствовала натянутость, очевидное напряжение. Барбара слишком быстро говорила. Улыбка уступила место хмурому выражению, которое казалось на этом лице привычным.

Так она невротичка, торжествуя подумала Энн, радуясь, что может наклеить ярлык, чувствуя своё превосходство. Она решила, что Барбара не представляет серьёзной опасности. Теперь, когда они стояли рядом, было очевидно, что они почти ровесницы. Вероятно, Барбаре было под сорок, когда она родила.

– Мисс Прис. Можно вас на пару слов...

– Конечно.

– Просто хотела сказать, как восхищаюсь работой, которую вы делаете. Окружающая среда очень важна, вам не кажется?

Энн потребовалось всё её самообладание, чтобы не выдать своего потрясения. Это было последнее, чего она ожидала.

– О, конечно, – ответила она лишь с лёгким намеком на фальшь. Бросив взгляд через плечо Барбары, она увидела Годфри, который рассеянно глядел на коров. Ей было очевидно, что он в панике.

Барбара горячо продолжила:

– Я только хотела сказать вам, что ни я, ни мой муж не осуждаем ваше противодействие открытию карьера в Блэклоу. Мы очень заинтересованы в сохранении природы, и, если экологическая оценка подтвердит, что угроза существует, могу вас заверить, что проект будет приостановлен. Мы не станем ждать официального расследования.

– Хорошо. – Энн не знала, что добавить. – Что ж, спасибо вам. – Она была сбита с толку, поскольку, хоть и по-прежнему считала Барбару невротичкой, эта женщина явно говорила искренне. А ещё ей показалось странным, что Барбара могла так властно говорить о делах компании. Годфри никогда не упоминал жену в связи с этим, и Энн она виделась примерной северной жёнущкой, сидящей дома и стирающей носки, не лезущей в финансовые дела мужа.

– Вы участвуете в бизнесе мужа? – спросила она. Возможно, Барбара пару раз в неделю забегала поработать в офис.

– Мы партнёры. Не то чтобы я играла активную роль после рождения Фелисити, хотя Годфри, конечно, со мной советуется. Вначале всё было иначе. Я выросла на этом деле. Мой отец был собственником нашего первого объекта в Слейтбёрне. Когда мы поженились, он вышел на пенсию, и мы его сменили. Было нелегко. На самом деле мы были в ужасном напряжении, работая весь день, только чтобы удержаться на плаву. Впрочем, оглядываясь назад, я полагаю, что мне это нравилось. – Она улыбнулась. – Ещё больше мне понравилось, когда мы стали получать немножко денег и смогли перевести дух.

Казалось, Барбара ушла в свои мысли. Она снова нервно нахмурилась и начала скручивать бумажную салфетку, которую всё ещё держала в руках. Энн подумала, что Барбара как будто косяк скручивает, хотя это едва ли было в её стиле.

Энн было интересно, почему Годфри никогда не признавался, что женился на дочери босса. Возможно, история про одиночку, который пробивал себе путь к успеху, просто звучала лучше. Её это не возмущало. Она сама всё время рассказывала небылицы о своём прошлом. Правда была такой неприятной.

Секунду они стояли молча. Вокруг них разговаривали и смеялись. Было выпито много тёплого вина. В общем гуле Энн услышала голос Питера, ясный, как у школьника, с отличной дикцией:

– Невилл! Что ж, всё прошло очень мило, правда? Ты должен быть доволен.

Ленгхолм был местом маленьким, так что Энн слышала о Невилле Фёрнесе. Сын Даги, который окончил колледж и задрал нос. Сперва работал управляющим в Холм-Парке, затем его наняли в «Карьеры Слейтбёрн», потому что, как говорили, он знал, как разговаривать с крупными земельными собственниками. Вскоре было объявлено о сделке между Годфри и Фулвеллами. Она видела Невилла, когда он ещё жил в одном из пабов на землях имения. Она взяла за правило выгуливать собаку на лужайке в те часы, когда он обычно выходил на пробежку, старалась вовлечь его в разговор, но ничего из этого не вышло. Энн постаралась разузнать, была ли у него женщина, но, видимо, не было. Она внезапно поняла, что Барбара Во смотрит в том же направлении. Но если во взгляде Энн на смуглое мускулистое тело читалось откровенное восхищение, то Барбара смотрела враждебно, даже испуганно.

Барбара потянулась и схватила Энн за руку.

– Приходите повидать меня, – сказала она, – в Элдервинни. Это название дома. Мы всё ещё живём в Слейтбёрне. Вам любой подскажет, где это. Я хочу поговорить с вами. Заходите на кофе. В любое время. Я редко выхожу.

Она почти повторила слова Годфри, которые тот произнёс, когда впервые упомянул имя жены. Барбара не сказала «до свидания». Она поцеловала Энн в щёку и убежала обратно к Фелисити. Энн поражённо смотрела ей вслед.

«Возможно, мне стоило зайти к ней, – подумала Энн. Она уже вбила последний колышек. Завтра вернётся с квадратами. – Это могло быть забавно. Полагаю, я всё ещё могу это сделать, рассказать Барбаре о том, как продвигается исследование. Не то чтобы Слейтбёрн был очень далеко. Интересно, как отреагирует Годфри».

Глава пятнадцатая

На следующий день не переставая шёл дождь, так что они все вместе отсиживались в коттедже. Энн пришлось выстрадать час брюзжания Рэйчел о том, что это отличная возможность немного прибраться, затем её терпение лопнуло. Она поехала на обшарпанном «Фиате» в Ленгхолм. Дождь был так силён, что ей пару раз пришлось останавливаться, чтобы дворники убрали воду с лобового стекла. Энн позвонила Годфри из телефонной будки рядом с заправкой.

Намного удобнее было бы вернуться в Прайори, но там был Джереми, а Энн была невыносима мысль о том, что он станет приставать к ней по пустякам. Последние пару недель он твердил, что им нужно затянуть потуже пояса. Он даже заговорил о том, что можно продать Прайори. Только тогда она поняла, как много значил для неё дом. Сама мысль о том, чтобы бросить сад, пробуждала в Энн жажду крови. Она почти сказала Джереми, что вышла за него замуж только из-за Прайори, но сообразила, что в тот момент это было бы глупо. Одна из его знаменитых сделок ещё может состояться.

На звонок ответил парнишка, у которого, кажется, ещё ломался голос.

– Алло! Компания «Карьеры Слейтбёрн». Чем могу вам помочь?

Когда Энн сказала, что хочет поговорить с Годфри, возникла пауза, затем зашептались. В ней немедленно проснулась подозрительность. Наконец парень снова заговорил:

– Извините, мистер Во сейчас не может подойти к телефону.

– Когда он сможет подойти?

– Не раньше завтрашнего вечера. Он на конференции.

– Где?

Парнишка, казалось, растерялся.

– Извините, – сказал он, – я не знаю.

Именно тогда Энн в приступе досады позвонила Барбаре. Ей хотелось отплатить Годфри за то, что он не подходил к телефону, за то, что она чувствовала себя такой несчастной. Он ничего не сказал ей о конференции. Сперва она набрала номер справочной. Это почти заставило её передумать. Если номера семьи Во нет в открытом доступе (а, вероятнее всего, так оно и было), то ей лучше бросить эту затею. Но соединили почти сразу, и, прежде чем она успела передумать, Барбара ответила коротким – Во. Ответ был так похож на собачий лай, что Энн на секунду отвлеклась. Когда же она заговорила, ей удалось звучать так уверенно, словно они были старыми подругами.

– Вы просили меня быть на связи. Решила, что лучше не приходить в гости просто так. Вы можете быть заняты.

Но Барбара Во не была занята. И она отлично помнила Энн, хотя они встречались всего раз, пару месяцев назад. Она настояла, чтобы Энн пришла к ней домой сейчас же.

– Приходите, если вы свободны. Оставайтесь на ланч. Это замечательно. Фелисити проводит день с подружкой, а Годфри в командировке на два дня.

«Что ж, если он лжёт, – подумала Энн, – то лжёт нам обеим».

Годфри никогда не приглашал Энн к себе домой. Как-никак, Барбару отличало то, что она никогда не выходит на люди. Похоже, что, даже случись ей иногда запланировать поездку за покупками или поход в кино, она легко могла отказаться от этой идеи. Возможно, это было чем-то вроде заболевания. Однако Энн всё равно знала, где они жили. Она из любопытства проехала мимо, увидела достаточно строгий современный дом из серого камня с серой шиферной крышей. Энн разбила бы строгие линии ползучими и выющимися растениями, но сад Во был традиционно аккуратным. Там была лужайка, изогнутые бордюры, которые сейчас оживляли симметричные группки крокусов и подснежников наряду с кустарниками. Единственной каплей воображения был дом на дереве, прибитый к кривому платану. Хотя платформа, на которой был построен дом, располагалась всего в трёх футах над землёй, к ней вела деревянная лесенка. Энн подумала, что Годфри, вероятно, сам построил этот дом для Возлюбленной Фелисити. Недавно она начала так думать о ребёнке, слова с заглавной буквы вызывали у неё ассоциации с неизвестным святым или мучеником.

Когда она приехала, дождь всё ещё шёл. Парадная дверь открылась до того, как она вылезла из машины. Барбара стояла на пороге. Энн побежала по гравию ей навстречу и остановилась в холле, стряхивая воду с волос. На Барбаре были голубые джинсы, но они были так не похожи на те, что носила Энн. Эти джинсы бы не выцвели на коленях и не порвались на заднице. Поверх джинсов Барбара надела тёмно-синий шерстяной свитер. Лицо её было аккуратно подкрашено, в воздухе витал намек на аромат духов. Энн раздумывала, не заехать ли в Прайори, чтобы переодеться, но не хотела столкнуться с Джереми. Помимо джинсов на ней были футболка с длинным рукавом и непромокаемый плащ. Она была без макияжа, а корни волос не помешало бы подкрасить. Сейчас они казались скорее серыми, чем каштановыми.

Энн отметила начищенный деревянный пол, лестницу с аксминстерским ковром с цветочным узором и запах кофе. Барбара казалась одновременно полной энергии и беспокойной. Она говорила быстро, и Энн, стряхивавшая воду с волос, не совсем разбирала слова. Теперь, когда она уже была здесь, идея перестала казаться хорошей. Она это затеяла, чтобы немного развлечься; теперь же она придумывала достойный предлог, чтобы уйти. Однако Барбара уже отвела её в большую гостиную и говорила, наверное повторяя сказанное в коридоре:

– Я так рада, что вы смогли прийти. Меня кое-что беспокоит. Как замечательно совпало, что вы позвонили. Вы, наверное, самый подходящий человек, чтобы об этом поговорить. – Затем она замолчала, осознав, что это не самый обычный разговор. – Извините. Это грубо. Садитесь же. Хотите выпить? Шерри или, может, кофе? Я думаю, я буду кофе.

Энн чувствовала, что выпить ей точно не помешает, но ответила, что тоже будет кофе.

Когда Барбара вышла из комнаты, Энн постаралась взять себя в руки. Она решила, что у неё хватит духа выдержать это до конца без большого вреда для себя. Она сидела в удобной комнате, которая лучше бы гармонировала с домом постарее. Здесь не было ничего ветхого, однако мебель была крепкой, тяжёлой, достаточно тёмной. Стояла дровяная печь и пианино у стены. На подставке – раскрытая книга детской музыки. На другой стене висел карандашный рисунок Возлюбленной Фелисити. Энн подумала было, не дело ли это рук самой Барбары, но рисунок был достаточно неплох, и она решила, что нет. Девочка хмурилась, словно сосредоточившись на проблеме, с которой ей было никак не справиться.

Барбара принесла кофе в стеклянном кувшине с фильтром. Она заметила, что Энн смотрит на рисунок.

– У вас есть дети, миссис Прис?

– Пожалуйста, называйте меня Энн. Нет, детей нет. – Она, не подумав, продолжила легкомысленным объяснением, которое всегда давала в подобных ситуациях: – Никогда не ощущала в них потребности.

Барбара выглядела шокированной, словно, подумалось Энн, гость пукнул за обеденным столом, но немедленно сказала:

– Как замечательно, что вы пришли.

Энн налила себе кофе, но не ответила. Она думала, что единственной темой, которую Барбаре могло захотеться обсудить с ней, были её отношения с Годфри, но враждебности не ощущалось. Скорее наоборот, Энн даже становилось неловко от того, как Барбара благодарна за визит, пусть даже Энн и не нравились дети.

– Дело довольно деликатное. – Она села, держа руку на кофейнике. – Этот новый карьер. Не уверена, что это хорошая идея.

Энн была застигнута врасплох.

– Простите?

– Полагаю, вы считаете меня вероломной, раз я обсуждаю это с вами в отсутствие моего мужа, но я бы сказала то же самое, будь он здесь. Я уже говорила ему это. Карьер кажется мне ошибкой. Он отпугнёт многих наших клиентов. Он плохо скажется на нашем имидже. Я в этом бизнесе намного дольше, чем Гофф. Для меня это важно.

– Почему, по-вашему, он так настаивает на строительстве?

Энн никогда не задавала Годфри этот вопрос – ей бы и в голову не пришло называть его Гоффом, – но сейчас он показался ей интересным. Будь она на его месте, ей бы разработка, вся эта драма, даже конфликт приносили чувство радостного возбуждения. Однако Годфри был не похож на неё. Он не был жадным, и ему никогда не нравилось быть в центре внимания. Возможно, его толкал вперёд страх, что иначе бизнес окажется в состоянии стагнации.

У Барбары, впрочем, были другие предположения.

– Я не думаю, что у него есть какой-то личный интерес. Невилл Фёрнесс убедил его, что это единственный способ удержать бизнес на плаву.

– Невилл Фёрнесс? – Энн нужно было это обдумать.

– Он работает на Гоффа. Вы, должно быть, видели его на некоторых собраниях, он очень смуглый.

– Да, – ответила Энн. – Я знаю.

– С тех пор как Невилл начал работать на нас, Гофф стал тревожным и беспокойным. И я его совсем не вижу.

«Этой загадке у меня есть объяснение», – подумала Энн. Она осторожно сказала:

– Вам кажется, что подчинённый может оказывать на него такое влияние?

– Наверное, обычно нет, но... – Она замолчала, и внезапно её настроение снова переменялось. – Давайте пообедаем. Вы не против поесть на кухне? Ничего особенного, просто

достала кое-что из морозилки. И, боюсь, у меня только бумажные салфетки. Не хотите бокал вина? Я положила в холодильник мяскаде.

Энн последовала за ней. Они уселись за круглый сосновый стол в углу кухни – фотографии таких столов обычно размещают в журналах, что лежат в приёмной у зубного. Энн отметила, что поверхности сверкают, что на полу, выложенном итальянской плиткой, ни пятнышка, и предположила, что у Барбары есть уборщица. Впрочем, она не завидовала. В обстановке Прайори чувствовался уровень. Здешняя же чистота отдавала безликим пригородом.

Однако еда её впечатлила. Барбара, может быть, и достала ароматный луковый пирог из морозилки, но готовила его явно сама. Сверху пирог был украшен помидорами и пармезаном и сеточкой из анчоусов и оливок. Они ели его с салатом и тёплым плотным хлебом, вероятно домашним. На приготовление этого ланча ушло много сил. Энн, сама часто стремившаяся впечатлить, задумалась, какова цель Барбары.

– Вы говорили о вашем муже и вашей с ним компании.

Барбара очень быстро допила бокал вина. Лицо у неё покраснелось. На мгновение Энн подумала, что она снова сменит тему, но та набрала побольше воздуха и продолжила:

– Я считаю, что Невилл лично заинтересован в открытии карьера именно в Блэклоу. Его семья владеет примыкающей землёй.

– Да, – сказала Энн, – я знаю.

– И теперь, насколько я понимаю, его мачеха мертва.

– Она совершила самоубийство.

– Вы знали Беллу Фёрнесс? – требовательно спросила Барбара.

– Не слишком хорошо. Мы встречались пару раз.

– Она управляла фермой. Теперь всё перейдёт к Невиллу.

– Значит, вы были знакомы? – Энн не удивилась. В деревнях, где люди живут так далеко друг от друга, Во и Фёрнессы почти соседи.

– Я слышала о ней.

– Ну и что вы думаете? Что Невилл продаст ферму «Слейтбёрн», если компания получит разрешение? Поэтому он так заинтересован в продвижении карьера? В других обстоятельствах спрос на фермы в горах невелик.

– Я не думаю, что он продаст землю. Он слишком осторожен. Самый удобный подъезд к карьере – через территорию фермы, и он будет брать за это деньги. Любой другой маршрут означает строительство новой дороги. По сути, он смог бы почти требовать у Гоффа выкуп, взимая слишком большую плату за проезд техники вниз по дороге.

– Годфри должен понимать, чем это грозит.

– Должен, да.

– Но? – Энн собрала маслянистый луковый сок с тарелки кусочком хлеба. Барбару, казалось, это отвлекло. Фелисити, вероятно, уже в совершенстве освоила умение вести себя за столом.

– Но там, где дело касается Невилла Фёрнесса, он, похоже, теряет всю свою деловую хватку. Мне хочется знать, почему Гофф так охотно принимает советы Невилла. Это не похоже на моего мужа. Обычно он человек осторожный. Он сам принимает решения в нужное время.

– Чего именно вы боитесь? – Энн неохотно отставила пустую тарелку и положила локти на стол. – Шантажа?

Барбара, казалось, снова пришла в замешательство, хотя сложно было сказать, что стало тому причиной – локти Энн на столе или мысль о том, что её мужа могут шантажировать.

– Нет, – неуверенно сказала она. – Конечно, нет.

Что ж, подумала Энн, хоть один камень с души.

– Я только хотела сказать, – продолжила Барбара, – если вы или члены вашей команды обнаружите что-то, что может повлиять на результаты исследования, или благодаря вашей работе разработку остановят... – Она замолчала. – Это ведь пойдёт на пользу нам всем, правда?

Это было сказано так мягко и обыденно, что только у двери, собираясь выйти под дождь, Энн, не став объектом подкупа или шантажа, все же почувствовала, какой неприятный остался от этих слов осадок.

Глава шестнадцатая

Энн ехала в коттедж через Ленгхолм, когда увидела, что навстречу ей едет «Ренджровер» Ливви Фулвелл из Холм-Парка. Ливви резко затормозила и мигнула фарами. Энн на секунду подумала, что выдавший виды «Фиат» потерял какую-то жизненно важную деталь, но Ливви, казалось, просто хотела проявить симпатию. Энн удивилась. Обычно они близко не общались. Конечно, Ливви знала, кто она такая. Их представили друг другу, когда Энн впервые приехала в Прайори и Ливви, недавно выйдя замуж, только начала управлять большим домом. Иногда они сталкивались на улице. Ливви махала ей из «Ренджровера», если ей случалось быть в милостивом расположении духа, или обменивалась с Энн парой слов, когда забирала пособие на ребёнка с почты. Но заводить близкое знакомство она явно не стремилась. Энн мастерски считывала подобные сигналы, общаясь с людьми, и понимала, что Фулвеллов не стоит, скажем, приглашать на ужин.

Сегодня, однако, Ливви была непривычно разговорчива. Она вышла из «Ренджровера», оставив дверцу широко открытой, хотя та перекрывала дорогу, а малыш, пристёгнутый на заднем сиденье, вопил во всё горло. Обыкновенно на заднем плане маячила какая-нибудь няня, но Ливви сама возила детей в детский сад, отводила покупать обувь, организовывала вечеринки на дни рождения. Теперь двое старших уехали в школу, но все каникулы она посвящала им. Такое создавалось впечатление. Энн однажды подслушала разговор Роберта с Джереми на каком-то благотворительном событии:

– Мы собираемся в Австрию. Ливви обожает лыжи, но настаивает, что надо взять с собой маленьких мерзавцев. Черт возьми, да она просто чудо!

Ливви была моложе мужа, ей ещё не было и тридцати пяти. Похоже, её взяли в жены, когда она была совсем молоденькой, благодаря безупречной родословной. У неё была фигура школьницы, короткие кудрявые волосы, которые выглядели так, словно она только вышла из душа, и широкая дружелюбная улыбка, которая располагала к ней людей. Хорошо знавшие семью люди утверждали, что у нее жёсткий характер и именно она стоит за происходящим в Холм-Парк.

– Я так рада, что увидела тебя. – На Ливви был связанный вручную хлопковый свитер и куртка «Барбур». Дождь перестал, и куртка была расстёгнута. Спереди на свитере было пятно, как будто ребёнка на него вырвало. – Давно хотела тебя пригласить как-нибудь к нам выпить кофе.

До начала работы над проектом Энн была бы рада получить это приглашение. Теперь же она думала о том, что скажет Рэйчел, если узнает, что она согласилась. Карьер Слейтбёрн будет разрабатываться на земле Холм-Парка. Это было совместное предприятие. Поддерживать связи с руководителями работ было задачей Питера. Или Рэйчел. Точно не скромного работника по контракту. Ливви одарила её одной из своих широких улыбок.

– Я хотела, чтобы ты знала, как ценно для нас то, что вы делаете. Роберт и я, мы оба восхищаемся этим. Я хочу сказать, что Прайори кажется таким уютным, а ты всё бросила, чтобы временно поселиться в том коттедже. Я имею в виду – мы чувствуем, что мы на одной стороне, правда. В Холм-Парке ведь будут жить наши дети, так? Если вы найдёте что-то важное там, в холмах, мы будем последними людьми в мире, которым захочется это уничтожить.

Крики ребёнка звучали всё громче.

– Боже мой, у нас не получится поговорить сейчас. Всегда знала, что после Гарри нам надо было остановиться. Двоих кому угодно достаточно. Или, может быть, так сложно потому, что был большой перерыв.

Но Энн не казалось, что ей так уж тяжело. Она выудила малыша из детского кресла и прижала к бедру, чуть покачивая, пока продолжала говорить. Крики утихли.

– Ты завтра сможешь? Примерно в одиннадцать? Или с твоей работой не согласуется?

Теперь Энн сделалось любопытно. К чёрту Рэйчел.

– Нет, – ответила она. – В одиннадцать отлично.

– Замечательно. – Ливви снова улыбнулась. В её голосе прозвучало облегчение? Или торжество – ведь она справилась с задачей? Затем она ловко пристегнула ребёнка и уехала, посигналив на прощание.

Днём по средам и воскресеньям Холм-Парк был открыт для посетителей. Энн однажды заплатила свои три фунта, чтобы взглянуть на сады, которые, откровенно говоря, ничего особенного из себя не представляли, но внутрь никогда не заходила. Подойдя к дому на следующий день, она не поняла, куда идти. Возможно, стоило обогнуть здание и зайти сзади. Энн представлялось, что эта кофейная вечеринка будет делом неформальным. Они, скорее всего, сядут на кухне, ребёнок будет делать что-нибудь творческое и неопрятное красками, а собаки развалятся на полу.

Но Ливви стояла перед домом, болтая с полной молодой женщиной, и когда Энн засомневалась, парковаться ли на общественном участке, знаком показала ей ехать вперёд. Они не воспользовались роскошной парадной дверью с каменными ступенями и портиком, но через чёрный ход Энн тоже не повели. Рядом было два крыла, примыкавшие к главному зданию под прямым углом, пониже и не столь устрашающие, и её проводили в вестибюль одного из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.